

Юлия Жукова

Сами мы не местные

Фантастика • Любовный роман • Юмор

Annotation

Жить в чужой стране и вообще-то непросто, а если это не страна, а целая планета и до родного дома десятки миллионов световых лет... И у тебя там никого нет, кроме любимого мужа, который, впрочем, страдает почти всеми местными заморочками, — тут уж приходится быть начеку и в полной боевой готовности круглосуточно. А между тем в инопланетном раю, раскинувшемся от северных снегов до южных джунглей, где боги ходят по улицам, а на подводных тварей можно полюбоваться из окна вагона, так хочется просто наслаждаться жизнью...

Юлия Жукова

Сами мы не местные

Из мемуаров Хотон-хон

В начале было двое богов — как ни удивительно, мужчина и женщина. Удивительно то, что про мужчину так мало известно. Вот про женщину все вам расскажут с большим удовольствием: ее звали Укун-Танив, а потом стали вежливо называть Укун-Тингир (хотя что значат оба имени и чем второе вежливее первого — это знание, доступное только Старейшинам). Она носила прическу из четырех кос, обожала рыбу и была исключительно красива. Жила она, понятное дело, на далекой Земле (по-муданжски она так и будет «Даль») и потому была бледная и кудрявая, как все земляне.

С богом-мужчиной *же* творятся какие-то чудеса. Называют его обычно просто «старый бог», причем для этого используют современные слова, а иногда даже молодежный жаргон, что-то вроде «заплесневелый предок». Старейшины по идее знают какое-то более уважительное имя этого персонажа, но ни за что не делятся им с простыми людьми. Жил он тоже непонятно где — мотался по Вселенной без определенной цели. Далее, внешность праотца и вовсе загадочна. Очень мало легенд, в которых он был бы описан хотя бы похожим на человека. Чаще всего это дракон или змей в перьях, хотя может быть волк, леопард, в северных районах барс, на юге скорее шакал. Но даже когда он предстает в человеческом обличье, то все равно сохраняет звериные черты — хвост, когти, клыки, рога, крылья, мех или чешую на лице и руках. Часто также говорится, что он был (и остается, ибо поныне здравствует) настоящим великаном. После этого обычно все принимаются дружно жалеть богиню-мать.

Итак, эти настолько разные существа все же нашли общий язык и вступили в брачный союз, одобренный самими стихиями. И сошлись они на брачном ложе, и породили бесчисленное множество самых разномастных детей, которых теперь жители Муданга и называют богами. Любопытно, правда, что все эти дети гораздо больше похожи на отца, чем на мать, то есть совсем не белые и не кудрявые, хотя и довольно красивые, но главное — каждый из них напоминает какого-нибудь зверя, птицу или гада, а вот рыбообразных богов совсем нет.

Укун-Танив от родов страшно устала и закатила своему мужу такой скандал, что звезды тряслись. А потом хлопнула дверью небесного шатра (некоторые книжники считают, что она просто задела «поющий ветер», висевший над порогом) и улетела к себе на Землю. От всех этих сотрясений поднялась пыль, и ее скатало ветром в шарик, который и есть планета Муданг.

Старый бог вздохнул, почесал когтистой лапой перья на голове, да и стал выдумывать, какими бы подарками заманить обратно расстроенную подругу. А заодно — что делать с полчищами новорожденных детей, которых она и не подумала взять с собой? Чтобы стимулировать мыслительный процесс, он взял тот шарик пыли и стал его катать в руках, да так плотно скатал, что внутри все сплющилось и пыль стала драгоценной платиной. А чтобы выровнять поверхность, старый бог поплевал на руки, отсюда на планете возник великий океан Гэй. Повесил бог получившуюся игрушку посреди Вселенной и принялся ее всячески

украшать. Заслал туда своих младенцев и наказал им сделать из подручных материалов всякую зелень и живность. Пока они были заняты, старый бог решил отдохнуть, встретился с друзьями да и выпил лишнего. А когда очнулся, смотрит — а по его шарик бродят какие-то двуногие существа, вроде на детей похожи, ан не совсем, и от жены что-то в них есть, но тоже немного, и на него самого только отдельными чертами похожи. Чудеса, да и только.

С другой стороны, подумал старый бог, чем же еще заворожить супругу, как не чудесами? Взял он аккуратно парочку загадочных существ и послал ей через туннель, дескать, возвращайся, смотри, какие у меня тут штуки есть.

Укун-Танив человечков получила, осмотрела, наморщила носик и решила их облагородить. Наделила их своей красотой и силой, открыла им тайны природы и поселила у себя на Земле. Понаблюдала некоторое время, как они привыкают к новым условиям. Потом вздохнула, оторвалась от любопытного зрелища и полетела к мужу. Надо же было поощрить его за такой любопытный подарок.

А у мужа творится бедлам. Создал он себе планету, населил ее всяким зверьем, выпустил туда своих человечков, они ходят, бедные, куда приткнуться, не знают, чем заняться, не понимают. Жалко ей стало бедных несмышленьшей, но одаривать их как своих земных ей тоже не хотелось, все-таки злилась еще на мужа немного. Тем более тут еще все эти дети, вот пусть они человечкам и покровительствуют. А она дала муданжцам живительную влагу из своих грудей, которая пролилась на планету дождем и обратилась в пресную воду. В эту воду поселила она своих любимых рыб и задумалась, что бы еще такое сделать, да ненароком взглянула на мужа. А тот счастливый стоит, улыбается, дивится на новый мир, который они вместе сотворили. И такое влечение ею овладело, что никаких сил обижаться на него не осталось. И отправились они снова на брачное ложе, но прежде Укун-Танив мановением прекрасной своей длани освободила человеческих женщин от всякого подобного влечения, чтобы они могли сохранять достоинство и не прощать своих мужей за спасибо и улыбку. Правда, совсем уничтожить влечение ей не удалось, ведь никакую силу нельзя вовсе уничтожить. Поэтому с тех пор большинство муданжек свободны от похоти, но зато уж если какая несвободна, то отдувается всю жизнь за всех своих соотечественниц, и все ей мало.

Дальнейшая судьба Укун-Танив и ее мужа никому толком не известна, даже Старейшины честно разводят руками. Бог землетрясений, он же Ирлик-хон, мангуст-оборотень, однажды напроорочил (во всяком случае, некоторые считают, что это было пророчество, а не просто пара лишних чарок на пиру, как думают авторитетнейшие из Старейшин), что когда-то в далеком будущем супружеское ложе богов совсем износится и тогда старый бог притащит раздраженную жену на планету, чтобы здесь ею овладеть, а она будет упираться, и на каждом ее суставе откроется рот, и она будет этими ртами кусаться, как дикий зверь. Но что случится из-за этого — никто не знает. То ли конец истории, то ли новые дети... Как бы там ни было, большинство Старейшин даже не считают это пророчество настоящим.

Некоторые полагают, что Укун-Танив регулярно посещает мир, и в это время ее надо называть Укун-Тингир, иначе обидится — и не видать урожая. Другие говорят, что Укун-Тингир — это другая богиня, возможно, сестра или дочь Укун-Танив. Все согласны только, что Укун-Тингир не живет на Муданге все время, а прилетает иногда, в моменты особой исторической значимости, когда надо помочь людям справиться с каким-нибудь глобальным несчастьем вроде проглоченного солнца. У Ирлик-хона, очевидно, есть все основания ее не

любить, он ведь еще не отомстил за распоротое брюхо.

Есть и еще одна любопытная деталь в образе старого бога. Среди всех богов, которых он расселил на Муданге, есть у него любимый сын, самый умный, хитрый и смелый среди всех богов. Толын-чун (так его зовут) тоже оборотень, как и все его сестры и братья, и обращается он в крылатого черного барса (на севере) или шакала (на юге). На экваторе иногда рассказывают, что видели подозрительных шакалов и барсов вместе — ведь у муданжских богов тоже есть дети, и почему бы им не встречаться иногда... В любом случае муданжцы очень любят рассказывать друг другу легенды, истории и просто анекдоты об этом боге, причем самого разного толка, от возвышенных прославлений до полной похабщины. Поскольку рассказы о Толын-чуне так популярны среди муданжцев, то довольно часто случается, что наемники или другие муданжцы, живущие не на своей планете, принимаются рассказывать о нем на всеобщем людям с других планет. И в этих рассказах они все упорно называют его «демон», хотя и затрудняются объяснить, почему именно это слово из чужой культуры кажется им наиболее соответствующим.

— А ты сам-то как считаешь, одна это богиня или две?

Мы с Азаматом возлежим на подушках в «Лесном демоне» и вяло покусываем копченые сурчиные лапки. К этому экзотическому мясу я все-таки привыкла, особенно если подавать его мне не целой тушкой, а по кусочкам.

— Я, вслед за Старейшиной Унгуцем, придерживаюсь довольно маргинального мнения, что у богов, особенно у старших богов, вообще нет некой единой сущности. Старый бог потому так по-разному и описан, что он на самом деле не один, а множество существ, объединенных одной личностью. Укун-Танив имеет более определенный облик, потому что у всех примерно одинаковые представления об идеальной женщине. В то время как представления об идеальном мужчине бывают довольно разные. Во всяком случае, у нас и в плане внешности. Так что я думаю, что Укун-Тингир — это некая производная Укун-Танив, хотя по сути они одно.

— Будем считать, что я тебя поняла. — Я звонко чавкаю копченостью. Здесь это означает высокую похвалу повару, а кто я такая, чтобы обижать нашего гостеприимного хозяина?

С того дня когда Азамат подтвердил свое право на титул Непобедимого Исполнина (пропустим полторы страницы уточняющих его заслуги званий), прошел почти месяц, а состояние природы и не думало никуда меняться. Впрочем, если учесть продолжительность муданжского года, то неудивительно, что сезоны тут такие неторопливые.

Азамат у меня совсем замотался с этими боевыми учениями. Я уже жалею, что ухватила тогда за эту идею. Нет, ну одно дело несколько раз в неделю погонять пару десятков парней и объяснить им приемчик-другой. Но народу собралось столько, что мой дорогой супруг вынужден проводить свои уроки по пять-шесть часов каждый день без выходных, а некоторые особо наглые еще и на индивидуальные занятия напрашиваются, хотя бы и за деньги. А ведь на тренировке он не может сесть на почетное место и только покрикивать. Ему же надо все самому показать, всех обойти, да не по одному разу... В общем, тяжелое это дело. С другой стороны, ему настолько льстит внезапное всеобщее внимание, что прекратить или хотя бы сократить уроки он ни за что не хочет.

Да и вообще, я только теперь понимаю, что все время до нашей свадьбы он пребывал в глубочайшей депрессии. Во всяком случае, весь этот месяц энергия из него хлещет так, как

раньше мне и не снилось. Он двух минут не может посидеть, чтобы чем-нибудь не заняться. Несмотря на выматывающие уроки борьбы, он успел подновить дом, собрать себе и мне по смешному муданжскому автомобилю, а теперь в бешеную рань, пока я сплю, возится в мастерской с каким-то летательным аппаратом. Бук стоит-пылится в спальне, его уже давно никто не открывал. Хозяин начитался за пятнадцать лет и теперь хочет активной деятельности. Вечером, конечно, в койку падает замертво, но зато никаких дурных снов. Просыпается еще затемно, я, естественно, тоже вскидываюсь, далее следует бурное и насыщенное исполнение супружеского долга, после чего я остаюсь спать, а он убегает готовить завтрак и мастерить свою авиетку.

За завтраком я имею удовольствие созерцать его счастливую физиономию, а потом он укатывает на тренировку. Я еще некоторое время просыпаюсь, что-то жую и тыкаю в бук, после чего прогулочным шагом отправляюсь к целителю.

Он оказался неплохим мужиком, достаточно вменяемым и сообразительным, правда, нечеловечески любопытным. Мы с ним затеяли фундаментальный проект перевода на муданжский язык Большой медицинской энциклопедии, но дело движется невероятно медленно, потому что многие описанные там болезни и симптомы здесь вообще неизвестны, да и словарного запаса мне не хватает, чтобы их толком объяснить. Целитель живет в забавном домике, больше похожем на башню, а кабинет для наших занятий находится на верхнем, третьем этаже. Поскольку для муданжского дома три этажа — это много, то там даже устроен лифт, чему я очень рада: потолки-то высоченные. Так вот, в кабинете окна представляют собой витражи с обнаженными женским и мужским телами и просвечивающими сквозь них схематичными органами. Сверху все это великолепие снабжено названиями *«Карта частей мужа»* и *«Карта частей жены»*. Мой словарный запас постепенно пополняется, а работа над энциклопедией движется, и «Карты» обрастают липкими листочками с надписями на двух языках — как что называется.

Параллельно мы также пытаемся установить, какие тут известны лекарственные травы, от чего их применяют и насколько это действительно. Результат иногда просто потрясающий. Например, подорожник здесь такая же обычная трава, как у нас, но о его целебных свойствах муданжский коллега ничего не знал. Зато обнаруживаются какие-то неизвестные мне доселе растения, с помощью которых в два приема лечатся вообще все венерические заболевания и СПИД, хотя как именно они работают, целитель объяснить затруднился. Не знаю, насколько вообще правда все, что он мне рассказывает. Не очень-то мне верится в научность их методов исследования.

Обедать я иду в «Щедрый хозяин», где меня встречает радостная Орива. С ней мы тоже некоторое время перетираем за недуги и целительство. На полноценные уроки мне пока не хватает языка, но она девка способная и очень хочет научиться, так что посредством картинок и скульптур из теста мы все-таки приходим к взаимопониманию.

С ней меня свел Старейшина Унгуц. Он вообще как-то ненароком взял нас под свою опеку. То есть, насколько я понимаю, Азамата он и раньше привечал, а теперь и меня за компанию забрал под крылышко. Своих детей-то у него нет — погибли по разным причинам. Остался взрослый внук-наемник, летающий черт знает где, и внучка пяти лет от роду, воспитанию которой дедуля и посвящает весь свой досуг.

Ориву он привел к нам домой без предупреждения на следующий день после боев. Азамат был на заднем дворе и разделявал ягненка, так что дверь открыла я, по уши в тесте и с капустным ножом наперевес. О том, как у них положено встречать гостей, у меня были

довольно смутные представления, так что я решила по крайней мере не врать. Здрате, говорю, гости дорогие, если часок посидите на диванчике, то как раз дождетесь обеда. Унгуц чуть с крыльца не рухнул, так хохотал, а Орива вытаращила на меня огромные сияющие глаза и выпалила, что будет абсолютно счастлива, если я возьму ее в обучение. Я говорю, это замечательно, но давайте вы в дом войдете, чаю попьете, а потом уже будем важные дела обсуждать. Дедуля Унгуц в своей любимой манере покудахтал про «ишь ты, деловая» и «врасплох не застанешь». Они вошли, расселись, я им чаю сообразила и обратно на кухню втянулась плюшки лепить. Кухня у нас к гостиной впритык, так что я вроде бы и не ушла никуда, и разговор могу поддерживать, насколько я вообще могу поддерживать разговор на муданжском. И вот Старейшина Унгуц принимается у меня выяснять.

Ты, говорит, роды принимать умеешь?

Умею, говорю. Двадцать два раза принимала.

Он косится на меня сквозь дверной проем, ворчит, что-то мало, дескать, обычно повитухи к моим годам уже на вторую сотню заходят.

Так, дедуль, говорю, у меня профиль другой. Уметь-то я умею, но зарабатываю обычно тем, что режу, — и для большей наглядности ножиком ему машу.

Он все смеется. Сколько ты, спрашивает, училась?

Я говорю, в двенадцать лет начала, в восемнадцать меня к первому больному пустили, потом еще три года под присмотром работала, а потом еще семь лет без присмотра.

Смотрю, Орива малость приуныла. Поясняю, что годы земные почти вдвое короче. Потом они некоторое время пересчитывают... Это соотношение календарей меня просто убивает, кстати. Я до сих пор живу по земному, иначе рехнусь. Недель у них вообще нет, а месяцев *почти двадцать два*, причем это «почти» каждый год меняется. Они ведь честно считают свои месяцы по лунным циклам, а лун-то три... В общем, я только знаю, что муданжский месяц примерно равен земному плюс-минус два дня, а от Белого Дня отсчитывают новый год и соответственно новый месяц. Азамат сделал мне какое-то мудреное хронометрическое устройство, где надо крутить круги, но я все время забываю, как им пользоваться. Тогда он мне написал программку, в которую можно ввести земную дату и получить муданжскую или наоборот. Эту драгоценность я залила в мобильник, на чем мое календарное образование и закончилось.

В общем, пока гости считали годы, пришел Азамат и застыл в дверях веранды памятником самому себе.

Здравствуйте, говорит, Старейшина Унгуц, а что же вы не предупредили?

Старейшина хихикает и говорит: да я хотел предупредить, а твоя супруга нас сразу за чай усадила, что ж мы, возражать будем?

Оказывается, у них, если хочешь к кому-то в гости прийти, надо заранее лично явиться и попроситься. По телефону или через Сеть предупредить нельзя, это невежливо, обязательно самому прийти. Вот если к себе кого-то зовешь, то это и по телефону можно. Ну так кто ж их знал?

Впрочем, из всех нас неудобно было только Азамату, который предпочел бы к приходу гостей в доме прибраться. Ну да ничего, пускай привыкает. Я и порядок — вещи плохо совместимые в одном доме. А Старейшина Унгуц хихикал и намекал, что все еще неплохо обернулось, а то я ведь могла непрошенных гостей и вовсе на порог не пустить. Да и когда бы им еще довелось земных плюшек попробовать?

По итогам обеда было решено, что Орива будет и дальше работать в «Щедром хозяине»,

потому что на обучение уйдет много лет, а жить на что-то надо. Я же постараюсь первым делом обучить ее всему связанному с родами, а уж потом, если мы обе захотим, перейти к прочим областям. Меня это тоже устраивало. Когда-то ведь и самой рожать придется, и лучше чтобы под рукой была акушерка, которой можно доверять. Еще мы решили, что платить за обучение она мне не будет, потому что я пока не настолько хорошо владею языком, чтобы полноценно преподавать, но зато она будет бесплатно мне ассистировать, когда я буду кого-нибудь лечить. Насколько я поняла, это на Муданге нормальная практика для индивидуальных учеников.

Орива от меня была в полном восторге, в основном из-за того, что она назвала смелостью. Я, дескать, не стесняюсь ни своей работы, ни своего дома, ни даже того, что не знаю, как принимать гостей. Я на это высокомерно приподняла бровь и (уже гораздо менее высокомерно в силу языковой беспомощности) заявила, что стесняться должны те, кто неспособен сам себя обеспечить, что если кому мой дом не нравится, то я их не заставляю тут сидеть, а что касается правил гостеприимства, так я по своим, земным, действую, вот и относитесь к ним как к плюшкам. Орива, которая, видимо, сильно комплексовала из-за своей чрезмерной по муданжским представлениям самостоятельности, просто возликовала и сообщила, что намерена стать моей лучшей подругой вот прямо сейчас и навсегда. Унгуц одобрительно посмотрел на нее, Азамат влюбленно посмотрел на меня, в общем, все расстались очень довольные. Кстати, у Азамата хунь-бимбик ничуть не хуже, чем у Тирбиша, получают.

Так что теперь я регулярно совмещаю обед с просветительской беседой и демонстрацией накопанных в Сети фотографий по теме. Прочие посетители «Щедрого хозяина» иногда заглядывают в экран бука, над чем это прогрессивные дамы там склонились, но, кажется, не понимают, что на фотографиях, а то бы едальня могла понести убытки.

А вот после встречи с Оривой начинается мой локальный ад под названием женский клуб.

Женских клубов в городе много, но, как меня уверяют все, к кому я успела с этим пристать, они абсолютно одинаковые. Смысл клуба в том, что собираются по пять-шесть замужних теток и коротают вечерок за рукоделием и беседой. Это, конечно, не ужас какое обязательное мероприятие, но это фактически единственное место, где может происходить светское общение. Замужние женщины на Муданге никогда не работают, если их мужья хоть на что-то годятся. Праздники у муданжцев сильно ритуализованы и проходят обычно под открытым небом. Там можно потанцевать и попеть, вкусно поесть и выпить, продемонстрировать детей и подаренный матерью или сестрой кафтан. Но вот поговорить там не особенно получается, да и не дело в праздник болтать попусту. Есть еще семейные праздники — дни рождения, годовщины свадьбы, дни поклонения семейным богам-покровителям, дни посещения могил предков и еще всякие другие дни, в которых я не успела разобраться. Но в такие дни в дом вообще чужих не пускают, только семью, а в понятие семьи у муданжцев входит только супружеская чета с детьми, ну или еще если у кого из супругов есть неженатый брат или незамужняя сестра. Даже родители — это уже пренебрежительное *хматан*, седьмая вода на киселе. А приглашать много гостей просто так на посиделки и вовсе не принято.

Вот и получается, что бедным тетенькам нужны специальные клубы, чтобы пообщаться. Внешне клуб — это такая банька, вгиснутая между чьей-нибудь оградой и улицей на ничейной земле. Внутри там мягкие лавки, стол, яркое освещение и чайные

принадлежности. Сладкое к чаю каждая прихватывает с собой, у кого что дома найдется. Приходить можно в любое время, в клубе почти весь день кто-то есть, дома-то скучно.

У клуба есть и другая функция — информационная. Во-первых, здесь всегда можно услышать и обсудить свежайшие сплетни, а во-вторых, если ты ходишь в клуб, значит, выставляешь свою жизнь напоказ, тебе нечего скрывать и стесняться, значит, ты добропорядочная гражданка. Именно поэтому Алтонгирел мне и велел обязательно сюда наведываться, и лучше ежедневно. Никаких возражений у меня это не вызвало, а уж с тех пор как Азамат стал пропадать на тренировках дни напролет, мне и вправду стало особо нечего делать дома.

Мой первый визит в клуб вряд ли когда-нибудь сотрется из памяти. Это было на третий день после боев. Я уже ловила на себе озадаченные взгляды соседок, недоумевающих, чего это я все где-то бегаю с таким деловым видом, а в клуб не иду. И вот я пришла, вся такая нарядная, с корзинкой печенья и вязаньем. Это было ближе к вечеру, солнце начинало задумываться о том, чтобы сесть.

— Здравствуйте, — говорю я пятерым собравшимся в тот день дамам. — Я Элизабет, жена Байч-Хараха из Глубокого дома, пожалуйста, позаботьтесь обо мне.

Это приветствие я, конечно, не сама выдумала. Азамат мне его написал и повторил четыре раза, а потом еще заставил отрепетировать, чтобы я не заржала в середине. Глубоким наш дом называется потому, что стоит далеко от парадной калитки, глубоко в саду. А просьба позаботиться — это ужасно формальный способ нового жильца поздороваться с соседями.

Меня встретило гробовое молчание под аккомпанемент изучающих взглядов. А потом дамы вдруг резко отвернулись от меня и принялись разговаривать между собой.

— Я же говорила, что она придет.

— Да кто бы с тобой спорил! Мы только не знали когда.

— Одета хорошо.

— Неужели настоящая землянка?

— Муж у нее кошмарный, конечно...

— Да, и как бедняжку угораздило?

Азамат много раз уже мне объяснял, что мударжцы всегда так делают: когда стесняются говорить с человеком, начинают говорить друг с другом о нем. Это чудовищно неприятно, но даже Азамат, по-моему, не совсем осознал почему. Ему это кажется вполне естественным. Однако перемиывание костей дорогому супругу я тут терпеть не намерена.

Я громко кашляю, водружаю на стол свои печенюшки и сажусь на ближайшее свободное место, как водится, без приглашения. Кстати, этот вопрос я тоже прояснила. Оказывается, человек должен сам выбирать, стоять ему или садиться, и если садиться, то куда, потому что этим он выражает некую степень вежливости по отношению к окружающим. В каждом интерьере все сидячие места очень четко расположены с точки зрения почетности, это определяется высотой, удаленностью от двери, удобством, приближенностью к хозяину дома или самому красивому из присутствующих. А в едальнях и на праздниках специально не делают сидений, чтобы все гости чувствовали себя одинаково важными персонами.

Я сажусь как середнячок — рядом с дверью, но место удобное и напротив меня довольно симпатичная дамочка.

— Угощайтесь, — говорю с благожелательным видом.

Дамы с любопытством заглядывают в мою корзинку.

— Я таких никогда не видела, — говорит одна.

— Это земной рецепт, — отчеканиваю я специально выученную фразу.

Они снова на меня воззряются, как консилиум стоматологов на особо лихо закрученный зубной корень.

— Ты что, сама пекла? — с ужасом и недоверием спрашивает одна, от удивления растеряв всю свою застенчивость сразу вместе с вежливостью.

— Ну да, — пожимаю плечами.

— Тебе что, делать нечего? — спрашивает другая в том же тоне.

— Я люблю готовить, — непробиваемо отвечаю я. К этому я тоже была готова.

Они переглядываются и осторожно пробуют печенье. Оно им приходится по вкусу, и постепенно обстановка разряжается. Мне даже сообщают, что у меня хорошо получается.

— Ты, наверное, одна жила, вот и привыкла готовить, да? — находит рациональное объяснение моей причуде дама напротив.

Я неопределенно киваю.

Меня угощают чаем и всякими местными сладостями, я старательно хвалю поваров моих соседок. Дамы выглядят очень довольными и советуют мне, кого лучше нанять в этом качестве, а кого нельзя пускать на свою кухню ни в коем случае. К этому я тоже готова; я им сообщаю, что, если мне понадобятся услуги повара, я привлеку Тирбиша. Этим заявлением я зарабатываю восхищенно-одобрительный возглас «О-о-о-о-о!», и тема поваров затухает. Тот.

Я решаю, что настал подходящий момент, чтобы закинуть удочку на интересующую меня тему — не поучит ли меня кто-нибудь шить мударжскую одежду.

— А кому ты хочешь шить? — оживляются дамы с таким откровенным подтекстом, что я начинаю чувствовать себя добычей стервятников.

— Да всем... — мямлю я. — Мне бы научиться, тогда уж буду думать кому...

В конце концов, если они меня научат, почему бы и им не сделать что-нибудь? Раз уж тут это так ценится...

Дамам идея нравится. Они извлекают свои текущие проекты — у кого шитье, у кого вышивание, показывают мне, сыплют швейными терминами, я ничего не понимаю, говорю им об этом раз тридцать, в итоге мы решаем, что завтра в то же время они принесут разной самошитой одежды, и я выберу, что из этого я хочу научиться делать первым номером.

Постепенно они успокаиваются и принимаются за свое рукоделие. Я тоже достаю вязанье. Они расспрашивают меня чуть-чуть, но я мало что могу сказать о материале и способе вязки. Скоро им надоедает выслушивать мои мучительные и корявые объяснения, и они начинают разговаривать между собой на свои темы, практически не обращая ко мне.

Вот упомянули какую-то общую знакомую.

— Да она уже четвертого рождает. Это ж надо было за такого выйти — только успеет одного родить, а муж уже на следующего накопил. Я ей говорю, требуй больше! А она: да ладно, зато он довольный все время, меньше пристаёт.

Все хохочут. Интересно, у парня как, если довольный, то не хочется? Или просто налево ходит?

— Мой вот тоже почти уже накопил, — вздыхает моя ближайшая соседка. — Прямо не знаю, что делать. Я первого-то еле родила, потом месяц не вставала. Даже страшно... К той же повитухе ни за что не пойду.

— Приходите ко мне, — говорю. — Я это тоже умею.

— Ты повитуха? — удивляются они.

— Ну я вообще-то целитель, но роды принимать тоже умею.

В муданжском сознании это совсем разные профессии.

Конечно, теперь приходится долго объяснять, как на Земле организовано образование, да почему я должна работать, да неужели такая кошмарная работа может нравиться, и все в таком духе. Лучше бы уж молчала, разбирались они тут как-то без меня до сих пор... хотя это и ужасно эгоистичный подход.

— Кошмар! — восклицает моя соседка. — Ты шьешь, готовишь, работаешь, и в придачу к этому такой жуткий муж!

— Ужасно, — вторит ей другая. — Как же он так тебя обманул?

— Такой урод отвратительный! — стонет третья.

— Да еще изгнанник! — напоминает четвертая.

— Небось и денег нет, потому тебе и приходится работать, — предполагает пятая.

Я изо всех сил сжимаю зубы в надежде, что сейчас они заткнутся хоть на секунду и дадут мне вставить по возможности вежливое слово. Как бы не так.

— Мерзкий, гадкий мужик, мало того что женился обманом, так еще и наживается за твой счет!

— Вот паразит! Да таким, как он, вообще размножаться нельзя!

— Недаром от него родной отец отрекся!

Это становится последней каплей. Я непослушной рукой заталкиваю вязанье в корзинку и встаю.

— Прощу прощения, — говорю сквозь стиснутые зубы, — но если вам так неприятно со мной общаться, вы могли бы мне об этом прямо сказать. Совершенно необязательно поливать дерьмом моего мужа!

Я все-таки срываюсь на крик, что плохо, потому что я и так говорю с акцентом и ошибками.

Они замирают в недоумении настолько искреннем, что я даже не выскакиваю из клуба, хлопнув дверью, как только что собиралась.

— Ты что, обиделась? — догадывается старшая.

— Нет, знаете, я просто в восторге! — отвечаю ядовито и тут же об этом жалею. Могут ведь и не просечь иронии...

Немая сцена продолжается, когда вдруг одна из дам охает, хлопает в ладоши и привлекает всеобщее внимание. Другие склоняются к ней, она что-то шепчет, я не разбираю, но, кажется, там мелькает имя Алтонгирела. Только этого не хватало мне для полного счастья!

Старшая с подозрением что-то переспрашивает, потом откашливается и обращается ко мне:

— Ты... не любишь, когда о твоём муже плохо говорят?

На сей раз я нахожу в себе силы ответить четко и ясно:

— Да, я этого очень не люблю. Мне удивительно, что вы вообще об этом спрашиваете.

Они снова переглядываются.

— Не обижайся, — говорит мне старшая дама. — Мы просто хотели тебя подбодрить.

— Тебе надо поговорить об этом с духовником, — советует моя соседка.

Вы хотите мне сказать, что *это* — тоже культурная фишка? Ребят, да я же тут загнусь... Ладно, поговорить с кем-нибудь вменяемым надо обязательно, а оставаться здесь решительно невозможно.

— Обязательно поговорю, — отвечаю. — Доброй ночи.

Домой я приплелась в подавленном состоянии. По-хорошему, надо было им всем в рожи плюнуть, но после моей выходки на боях Алтонгирел уже трижды мне мозги компостировал, чтобы держала себя в руках. Унгуц, правда, кажется, считал, что так этому старому хрену и надо, да и ничего особенно ужасного я не сделала. Ну вернула ему бормол. Я так понимаю, это значит примерно «я тебя ненавижу». Ну прилюдно — значит унизительно. Его авторитет от этого сильно пострадал, особенно после того как распространилась весть, что я и есть та самая девочка, про которую он всем уши прожужжал. И что, хотите сказать, он этого не заслужил? Да идите вы.

Но дело было не в Алтонгиреле, конечно. Покидая наш дом вместе с Оривой, Унгуц мне строго указал, чтобы я объяснила мужу, что там произошло вчера, пока он получал награды. Дескать, поступила-то ты, может, и правильно, но и расхлебывать это тоже тебе. И не хватало еще, чтобы Азамат от кого другого узнал. Можно подумать, я сама всего этого не понимала... хотя хорошо, что Унгуц на меня надавил, а то бы еще не знаю сколько оттягивала момент.

В общем, в тот же вечер выложила я Азамату свою нехитрую историю.

На известие, что я и есть та самая девочка, он отреагировал на удивление спокойно.

— Ты знаешь, я даже что-то такое подозревал, — ухмыляется, смотрит ласково. — Ты же не думаешь, что я могу счесть тебя виноватой в моих несчастьях?

— Да я в общем-то никаким боком туда, но в принципе неприятный осадок остаться может...

— Ну что ты! — И тянется обнять.

— Подожди, — говорю, — это еще не все.

А вот то, что я прилюдно поругалась с его папенькой, Азамата огорчило даже больше, чем я ожидала. Я понимала, что он не обрадуется. Даже когда я направлялась наперерез Аравату, заготовливая гневную тираду, я прекрасно понимала, что делаю это не для Азамата, а для себя. Он бы, конечно, предпочел, чтобы все жили в мире друг с другом. Но есть вещи, на которые я неспособна. Не то чтобы я была особенно принципиальной. Скорее я просто слишком импульсивна. Если бы Арават мне попался хотя бы через день после того, как я узнала о своей роли в истории Азамата, я бы по крайней мере поговорила с ним наедине. Не потому, что он этого заслуживает, а потому, что Азамат все еще его уважает. Но что сделано, то сделано.

— Ну, Лиза... — Азамат морщится и отворачивается. Надолго замолкает. Вздыхает.

Я жду. Я просто вижу, как он хочет меня обругать, как он бесится внутри, но не дает этому выхода, потому что боится меня обидеть. А я ему хочу сказать... ох что я ему хочу сказать! И внезапно я очень ясно вижу, что мне с этим человеком предстоит прожить *много долгих сложных лет*, и я не смогу все это время молчать, и он не сможет. И в какой-то момент, когда мы поругаемся из-за ерунды, это всплывет, и будет очень страшно. Потому что, когда понимаешь, что человек давно на тебя обижается, начинаешь сомневаться в искренности всего хорошего, что он тебе говорил и делал.

Сейчас тоже страшно. Но надо, надо.

— Он сволочь и заслужил это. Вернее, это так, фигня, заслужил он гораздо больше!

— Ты его не знаешь...

— И поэтому могу судить объективно.

— Но ведь без него ты не смогла бы увести корабль!

— Да, и мне очень обидно, что внешне хороший человек оказался такой дрянной личностью.

— Лиза, перестань, пожалуйста! — Он чуть повышает голос.

— Нет, не перестану! Я не понимаю, как ты можешь его защищать, после того что он с тобой сделал!

— Он мой отец!

— Нет.

— Что — нет?!

— Он от тебя отказался! Ты понимаешь это вообще? Ты представь, вот будут у нас дети. Что такое мог бы сделать *твой* ребенок, чтобы ты от него отказался?!

— Да как ты можешь так сравнивать? У него нас могло быть сколько угодно, а я...

— У тебя их тоже может быть сколько угодно, тут нет никакой разницы! Просто он тебя убедил с детства, что может делать с тобой все, что хочет, а ты все равно должен уважать его решение! Ты представь, как он должен был к тебе относиться, чтобы от тебя *отречься!*

— Это неважно, Лиза, неужели ты не понимаешь? — Он встает и принимается метаться по комнате.

— Это важно! Потому что или он полный идиот, или он тебя ненавидел! Ты это понимаешь?

— Да! Нет! Я не хочу! — Останавливается. Наконец-то смотрит на меня. — Я не хочу так думать. Я *не хочу*, чтобы он меня ненавидел.

— И предпочитаешь притворяться, будто это ты виноват? Азамат, оттого что ты и дальше будешь ему кланяться, он не начнет относиться к тебе лучше.

Он падает обратно на диван и трет лицо.

— Оттого что ты его обругаешь, я не стану относиться к нему хуже. Я умом понимаю, что он неправ. Я понимаю, что сам бы никогда так не поступил. Но я все равно... хочу, чтобы он меня простил.

— Нет, — говорю, придвигаясь поближе и заглядывая ему в лицо. — Ты хочешь, чтобы он попросил прощения.

Он долго молчит, шаря невидящим взглядом по комнате.

— Может быть, — говорит он наконец. И вдруг спохватывается: — Значит, ты понимаешь, что я хотел бы с ним помириться?

— Конечно понимаю.

— Тогда зачем ты мне рассказываешь, какой он плохой? Мне ведь это неприятно!

— Чтобы ты перестал сдерживаться, покричал на меня, выяснил, что я тебя понимаю и люблю со всеми твоими закидонами.

Азамат высоко задирает брови и намеревается сказать что-то ужасно язвительное о моих манипуляциях, но ему не дают. В нашу гостиную внезапно врывается Алтонгирел с воплем:

— Вы чего орете на всю улицу?! Вы что, поссорились?! Азамат, ты сдурел?!

Я уже совсем собираюсь сказать какое-нибудь хамство, но тут Азамат наклоняется ко мне, и мы долго выразительно целуемся. Я успеваю забыть, что Алтонгирел вообще тут есть. Но Азамат напоминает.

— Он — тоже мой закидон, — говорит. — Не надо с ним ругаться. Договорились?

Так вот, иду это я из клуба и думаю: вот черт, и бабам противным в рожи не плюнула, и в

рамках приличий не удержалась. Уж надо было или все терпеть, или устроить полноценный скандал. А то ни нашим, ни вашим. И Азамат сейчас еще скажет, что не надо было с ними ругаться, тут ведь так принято. А то еще начнет мне доказывать, что они были правы. И что-то мне с каждым днем труднее его любить сквозь весь этот Муданг, прости господи.

Захожу домой — а там гости. Алтонгирел, Эцаган и Тирбиш. Интересно, а меня, значит, не позвали? И по каким соображениям? Эцаган вообще, кажется, не рад меня видеть.

— О, Лиза, ты уже вернулась? — задает бессмысленный вопрос Азамат, входя с кухни с тарелкой какой-то еды.

— Нет, я тебе мерещусь, — ворчу я, роняя свою телесную оболочку в кресло, предварительно выкинув из него пенковую упаковку от нового сервиза.

Мужики загадочно переглядываются.

— Ну как клуб? — продолжает идиотские вопросы Азамат.

— А то ты не видишь, что я в восторге!

Нет, он что, нарочно?

— Вижу, вижу, — говорит он примирительно. — Просто интересно, чем они тебе так досадили? Вроде все приличные женщины...

Мне очень много чего хочется сказать, но я сдерживаюсь при гостях. Конечно, все свои и меня они видели в состоянии похуже, чем сейчас. Но все-таки... так и истеричкой прослыть недолго, если буду по каждому поводу при всех сцены устраивать. Да и объяснять опять, почему меня так задевает, когда оскорбляют Азамата, я немного стесняюсь. Алтонгирел мне и так украденную душу все время припоминает.

Азамат нависает над спинкой кресла и гладит меня по голове, его коса ложится мне на плечо.

— Ну рассказывай уже, любопытно ведь, что ты с ними не поделила.

— «Что, что»?... — отмахиваюсь. — А то сам не знаешь. Тебя, естественно.

— А поподробнее?

— Да ничего интересного. Начали тебя опускать. Один раунд я выдержала, но потом... в общем, они реально отвратительные вещи стали говорить. Я встала, сказала, типа, не хотите меня видеть, так и скажите. Они, видимо, не поняли, чего это я. Потом пошушукались и говорят такие, сходила бы ты к духовнику. Не знаю уж зачем. Ну я попрощалась и ушла.

— И что, даже никого не побила? — с каким-то даже разочарованием уточняет Алтонгирел. — И уродкой не обозвала?

— Ну я, конечно, очень хотела, но как-то... в общем, можешь считать, что вы с Азаматом меня выдрессировали. Я решила сначала поинтересоваться, нет ли и тут какой-нибудь культурной заморочки. А уже потом пойти и придушить их по одной.

Алтонгирел делает очень кислую рожу. Азамат вдруг принимается хохотать. Тирбиш расплывается в широченной улыбке. Эцаган единственный реагирует вербально:

— Так нечестно, капитан, вы Тирбишу подсказали!

До меня наконец доходит. Пенковая упаковка от сервиза, к счастью, не улетела далеко, так что я успеваю настучать ею всем троим, прежде чем они осознают, что я вооружена и опасна. Азамат, стратегически занявший позицию за креслом, все-таки уворачивается.

— И сколько же ты поставил, дорогой? — рычу я, понимая, что догнать и треснуть я его все равно не смогу.

— Ну что ты, Лиза, я не ставил! Это была даже не моя идея. Вот Эцаган с Алтонгирелом продули изрядно, особенно Алтонгирел!

— На что он ставил, у меня вопросов нет. А остальные двое?

— Тирбиш выиграл, — охотно повествует Азамат, по-прежнему держась за креслом. —

Он ставил на то, что ты разозлишься, но сдержишься.

— А Эцаган?

— А я вообще хорошо о вас думал! — обиженно заявляет Эцаган. — А вы меня бить! Я ставил на то, что вы ни с кем не поругаетесь и вернетесь в хорошем настроении!

Ах вот чего он так скис! Погодите...

— Хочешь сказать, ты думал, что я стерплю, когда моего мужа обижают? Ничего себе хорошо ты обо мне думал! Да это я тебе еще мало врезала!

К сожалению, догнать Эцагана тоже нереально. Приходится швырнуть в него пенкой и наплевать на все это. Решив, что я снова смиренная, мужики рассаживаются по местам.

— Лизонька, — проникновенно говорит Азамат, награждая меня муданжским уменьшительным, — они не хотели обидеть ни тебя, ни меня. Просто женщинам обычно приятно слушать гадости о своих мужьях от подруг. Это такая женская солидарность. Они на самом деле не думают того, что говорят, они просто так друг друга поддерживают. Можно сказать «ты сегодня хорошо выглядишь», а можно «у тебя муж сволочь», и это будет значить одно и то же.

Вот и живи на этой планете.

Короче говоря, из клуба я не ушла. Хотя на следующий день, едва заявившись, разразилась заранее выученной проникновенной тирадой о том, что у нас на Земле такое совсем не принято, что я это воспринимаю как оскорбление лично мне и что не надо, пожалуйста, плохо говорить о моем муже, потому что он очень хороший человек. Если бы еще в муданжском языке различались слова «хороший» и «красивый», может быть, меня бы правильно поняли. А так просто решили, что я со странностями.

Так что в клуб я продолжаю ходить, и меня это не слишком радует. Про Азамата больше никто не заикается, но зато своих мужей они поносят так, что у меня уши вянут. Дольше часа в день я там просто высидеть не могу. А учителя по части кройки и шитья из них тоже не супер, потому что у каждой свои узоры и приемы, передаваемые из поколения в поколение внутри семьи, и делиться ими с соседками ни одна не хочет. Шов, говорит, должен получиться вот такой. А как его делать — сама догадывайся.

Вот и лежим мы с Азаматом в «Лесном демоне», грызем сурчиные лапки и треплемся обо всякой фигне. Хотя вообще-то говорить надо о насущном.

— Азамат, солнышко, а ты не хочешь куда-нибудь съездить на несколько дней?

Он моргает на меня как-то обиженно.

— Я тебе мешаю?

О господи, он неисправим.

— Я имела в виду вместе съездить, естественно.

— А... а куда ты хочешь? На Гарнет?

— Да нет, зачем сразу на Гарнет? Просто из города куда-нибудь. Развеемся. Погулять... У тебя, помнится, табуны какие-то несметные имеются. Да и вообще, я же вижу, как ты смотришь на дорогу из города. Тебе же хочется на природу...

— Хочется, конечно, — вздыхает. — Я ведь по всему этому больше всего скучал. Таких лесов, как у нас, больше нигде нет...

— Ну а чего ты тогда тут дурака валяешь? Давно бы уже выбрались.

— Ну так дела...

— Подождут твои дела. Пятнадцать лет как-то обходились, уж пару дней-то перебьются!

— ...ну и потом, — продолжает он, не особенно меня слушая, — сезон сейчас не тот. Это тебе не парк на Гарнете. Там же снег лежит, холодно. Здесь, в столице, климат мягкий. А уже даже на северной оконечности Дола, где мои табуны, там совсем неподходящие для тебя температуры.

— Я тебе открою страшную тайну, — говорю. — В моем городе на Земле зима длится полгода, а где бабушка живет — там и все три четверти. И морозы до минус сорока по Цельсию. Так что не надо меня тут запугивать снегом, лучше купи две пары лыж — и поедem смотреть на лошадок. И вообще, прежде чем отказывать себе в удовольствии из-за меня, можно хотя бы поставить меня в известность.

Он довольно улыбается мне через столик.

— Лыжи, — говорит, — у меня есть. Но я ставлю тебя в известность, что ты вряд ли сможешь на них передвигаться.

Летательный аппарат, который Азамат конструировал, себя оправдал, хотя я поначалу боялась в него садиться. Больше всего эта штука похожа на жука-оленья, только зеленая и переливается. В ней четыре места, как в машине, хотя и потеснее, чем в муданжских ящиках на колесах. Взлетает такая штуковина на антигравитации, то есть, не меняя положения, медленно всплывает метров на пятьдесят, а там уже жмешь на газ, если так можно выразиться, и летишь рогами вперед. Азамат объяснил, что это вполне обычный муданжский вид транспорта, удобный в условиях бездорожья. Детали стоят довольно дорого, но если у человека деньги есть, то и такая леталка, скорее всего, имеется. А называется она *унгуц*. Да-да, ты не ослышалась, наш дорогой Старейшина получил в качестве имени название летательного аппарата. Говорят, он потому только и согласился стать Старейшиной, что всю жизнь мучился, за что же боги ему такое имя дали.

Еды на двухдневный выезд мы набрали как на неделю. Тут и всякое соленое-копченое, и сладкое, и несколько термосов чая, кофе, горячего молока (Азамат его иногда пьет просто так, брр) и бульона, термопак с несколькими видами второго и еще черт в ступе не иначе. Вместе с горой теплой одежды и *дифжир*, которую меня заставил-таки взять заботливый муж, получилось столько барахла, что пришлось часть свалить на заднее сиденье, в багажный отсек уже не помещалось.

— Ну как же так, Азамат, — говорю, подпихивая в салон внушительных размеров аптечку, — неужели ты всегда столько всего с собой таскаешь, когда выбираешься в лес? Или паковаться разучился?

— Если бы я один ехал, — ухмыляется он, — я бы взял соль, зажигалку и ружье, а остальное можно на месте добыть. Но тебе нужен комфорт.

— С чего ты это взял, интересно? — ворчу я, хотя уже не так убедительно. Все-таки спать на снегу без одеяла — это не есть мое представление об отдыхе. Ладно уж... — Где твои обещанные лыжи?

Лыжи прячутся в стенном шкафу в мастерской. Они не очень длинные, зато широченные, из потемневшего от времени дерева, а по нижней стороне подбиты пятнистым мехом.

— Ого...

— Ты все еще уверена в своих силах? — насмешливо спрашивает Азамат.

— Они что, правда деревянные? — Я действительно несколько выбита из колеи этим антиквариатом.

— Конечно, вот, посмотри. — Он наклоняет одну лыжу, чтобы я могла пощупать.

Она очень гладкая, расписана прямо по дереву какими-то хитрыми узорами, от меха пахнет то ли жиром, то ли дегтем.

— Такие старые... Они не развалятся?

— Ну что ты! — Он смеется. — Такие лыжи несколько поколений служат. Их еще мой дед делал, а он был первоклассным охотником и в лыжах толк знал. — Азамат ласково поглаживает свои сокровища по выгнутым спинкам. — Мне их отец на совершеннолетие подарил.

Тут он резко и неловко замолкает. Интересно, сколько мы еще будем об это спотыкаться...

— Ладно, — говорю, — я верю, что это хорошие лыжи. Только ты мне покажешь, как на них правильно ходить, а то придется меня на горбу таскать.

— Обязательно покажу и объясню, — серьезно кивает он.

Лыжи чудесным образом помещаются в переполненный багажник вдоль брюха нашего жучка, и мы наконец-то грузимся. Азамат жмет на кнопку, и над нами прямо из воздуха сгущается прозрачный купол, он же лобовое стекло, и рога становятся прозрачными.

— Как тебе? — с плохо скрываемой гордостью спрашивает Азамат.

— Круто... — говорю. Видимо, он долго работал над этой фишкой, надо же как-то похвалить.

— Обычно крыша выезжает из задней стенки, но так почему-то всегда женские юбки и косы прищемляет. Так что я это модифицировал.

Ну я, конечно, не в юбке, а коса из нас двоих только у него, ну да ладно, старался человек.

— Здорово придумал, — говорю. — А так в ней не застрянешь, если случайно руку сунуть, пока она появляется?

— Нет, — смеется Азамат и принимается мне объяснять, как это работает и почему застрять в крыше никак нельзя. Я даже понимаю. Но пересказать точно не могу.

Тем временем мы отрываемся от земли и всплываем вертикально вверх, вот уже и крыши домов внизу видны, а вот уже и полгорода. Азамат мягко, почти незаметно трогается с места, и мы плывем над рекой прочь из кольца скал, на север, к свободе.

Чтобы добраться до наших владений, надо пропахать полконтинента, — к счастью, поперек, а не вдоль. Азамат обещал, что это займет четыре-пять часов, если будет хорошая погода. Погода сегодня ничего, оба солнышка исправно светят, но ветер суровый, так что Азамат держится поближе к земле, где не так сдувает.

Дол, на берегу которого пасутся призовые табуны, — это очень большое почти пресное озеро. Азамат говорит, что пить из него не слишком приятно, хотя и можно, а если в нем плавать, то ощущения как от пресной воды. Сейчас, правда, плавать не сезон.

Мы довольно рано встали, чтобы долететь засветло и еще успеть там погулять, поэтому меня уже клонит в сон, но мне жалко Азамата, который за рулем, естественно, спать не может, так что я пытаюсь поддерживать разговор. Говорим мы теперь с ним вообще забавно: я почти все время на всеобщем, а он почти все время на муданжском. Я сама попросила так делать, чтобы побыстрее учить язык, но безумие получается изрядное, потому что мне все время приходится вставлять местные названия продуктов, одежды, утвари и прочего, а ему — родственников и всякие душевные состояния, для которых в муданжском очень неразвитая терминология.

— Как твои войны? Учатся хоть чему-нибудь?

— Учатся, и неплохо. Тех, которые ни на что не годились, я на прошлой неделе попросил нас покинуть.

— Неужели? Прямо вот так и попросил? — Мне действительно трудно себе представить, чтобы Азамат кого-то выгнал, пусть даже в вежливой форме.

— Ну а что делать? — тут же смущается он. — Люди время тратят, я тоже, а толку никакого... Конечно, считается, что мужчина должен смыслить в военном деле, но ведь это дано не всем.

— Да нет, я только за! Ты и так за троих пашешь, еще не хватало всяких бездарей на себе тянуть. Я просто удивилась, что ты на это решился, ты ведь всегда такой... покладистый.

Он с кривой ухмылкой косится на меня.

— Лиза, видишь ли, есть люди, которые мне дороги, и с ними я действительно стараюсь по возможности соглашаться. Это не значит, что кто угодно может навязать мне свои предпочтения.

— Да я верю, верю! — быстро киваю я. — Только когда в следующий раз будешь кого-нибудь выгонять, позови меня посмотреть, а? Мне любопытно.

— Хорошо, — усмехается он. — Думаю, как раз в ближайшие дни назреет необходимость. Ты вот лучше скажи, тебе никто не докучает?

— Кроме дам из клуба?

Азамат закатывает глаза.

— Ясно, — вздыхаю.

А кто мне еще может докучать? Мужики, конечно, не всегда приятно реагируют на мое появление на улице. Многие свистят, обсуждают меня вслух, иногда рыгают, проходя мимо. Это все, безусловно, противно, но я точно знаю, что они меня не тронут. Если уж Азамат, который так надо мной трясется, говорит, что никто не посмеет меня и пальцем коснуться, то мне и в самом деле нечего бояться. Правда, в «Щедром хозяине» мелькает этот мужичок... мелкий по муданжским меркам, бритый, всегда очень ярко одет. Он там тоже обедает, как я, и в то же время. И потом, мне кажется, я его несколько раз видела около клуба... На всякий случай излагаю все это Азамату.

— Да-да, — кивает он угрюмо. — Он не просто тебе попадается, он весь день за тобой ходит.

— А ты откуда знаешь? — выпаливаю я, еще не окончательно осознав сказанное.

— Попросил Эцагана за ним последить. Этот «мужичок» уже ко мне подходил с разговорами на тему, кто чего достоин. Я помню, как ты к этому относишься, так что сказал ему, что его мнение никого не интересует. Теперь либо он от тебя отвяжется, либо придется подоходчивее объяснить...

— Ну ни фигя себе! Все самое интересное — и без меня? Нет, ты, когда ему объяснять будешь, обязательно меня позови, я хочу это видеть!

Я серьезно очень плохо себе представляю, как это Азамат кому-то «объясняет подоходчивее». Бои — боями, но чтобы он всерьез кому-то вред причинил...

— Ты что-то нынче кровожадная, — усмехается он. — Неужели твои подруги в клубе все еще про меня высказываются?

— Какие они мне подруги! — взвиваюсь я. — Эти курицы бесполезные, от них никакого толку! Сидят мужей своих поносят. И ведь небось неплохие мужики! Это кошмар какой-то просто. Я туда иду каждый раз как наказание отбывать непонятно за что. Последнее время еще придумали мне кличку, а я понятия не имею, что она значит.

— А чего ж меня не спросила? — хмурится Азамат.

— Забыла. Я тебя вижу-то за ужином и утром, и мне как-то не хочется с тобой об этих дурах разговаривать. Хоть бы кто-нибудь с болячками обратился, я бы хоть поработала, а так вообще непонятно, на что все время уходит.

Азамат хмурится еще сильнее.

— Так что за кличка?

— Хесай.

Мне померещилось или он зарычал?

— Скажи им, что зависть глаза выедает.

Ого! Чем же это они меня приласкали, что дорогой супруг так обозлился?

— Что это значит-то, хоть объясни.

— Устрица, — цедит он сквозь зубы. Я молчу и жду продолжения. Оно следует после паузы. — Так называют женщин, которые получают удовольствие от секса.

— Чудесно, — хмыкаю я. — А чего ты так злишься?

— Во-первых, хотел бы я знать, откуда они это про тебя взяли. Я ни с кем не обсуждал наши личные дела.

— Я сама могла что-то такое сказать, — пожимаю плечами. — А что, это надо хранить в тайне?

Он тяжело вздыхает.

— Видишь ли... устрицы настолько любят это дело, что им абсолютно все равно с кем. Ты и так у всех на устах, а если они еще решат...

— Ну Азама-а-а-ат! — взываю я. — Ну надо же было предупрежда-а-ать!

— Да понимаю, — смущается он, — но все как-то кажется, это такие очевидные вещи... Я ведь и сам поначалу думал, что ты... прости.

Я только качаю головой. То-то он так удивился, когда я потребовала охранять меня от посягательств со стороны других мужиков.

— Ну ладно, — говорю. — Как мне их убедить, что я не устрица?

— Даже не знаю... Понимаешь, у нас есть женщины, которым совсем это не нравится, а бывают, только очень редко, такие, которые в любую минуту и с кем угодно готовы. А ты не то и не то.

— Значит, придется объяснить, что у землян все по-другому.

— И надеяться, что они поверят, — вздыхает Азамат.

Как-то это все грустно. Мы надолго замолкаем, и я начинаю зевать.

— Да ты спи, — уговаривает Азамат. — Долго еще лететь.

— Я и так почти все время сплю, когда ты рядом.

Он снова вздыхает. День вздохов просто какой-то.

— Мне надо как-то менять график. А то мы действительно почти не видимся, и получается шакал знает что.

— Ну тебе ведь эти занятия важны, это ведь то, чего ты хотел: тебя уважают, ты всем нужен... э, а почему мы спускаемся?!

— Потому, что я хочу остановиться.

Я за всеми этими разговорами даже не заметила, когда мы долетели до снега. Или, может, мы в горах? В общем, тут довольно холмисто и снег лежит везде, ровненький такой, нетронутый. Мы мягко садимся, поднимая облака рассыпчатых снежинок.

— Выходи, — говорит Азамат, отключая крышу.

— Куда, мы же еще не долетели!

— Выходи-выходи!

Я уже ничего не понимаю, но послушно выхожу. Он обхватывает меня за плечи и отводит от унгуца ближе к склону того холма, на котором мы стоим.

— Во-он, видишь, на горизонте горы? Это Ахмадхот. Когда мне было лет четырнадцать, мы с друзьями часто сюда летали зимой покататься по снегу.

— И что?

— А то, что это очень весело, — говорит он и вдруг резко притягивает меня к себе, и мы летим вниз по склону в обнимку, поднимая фонтаны снега. На нас обоих скользкие,

непромокаемые костюмы, так что разгоняемся мы капитально — если бы он меня не держал так крепко, я бы порядочно испугалась.

Наконец мы тормозим, чуть не с головой уйдя в снег. За нами остался очень выразительный след на склоне.

Азамат смеется и протирает залепленное снегом лицо.

— Боги, что ж ты так визжишь-то?

— А что, с горки надо молча кататься? — Я тоже вся в снегу, но отряхиваться пока бессмысленно. Впрочем, не то чтобы я жаловалась. Вот только как теперь наверх выбираться?.. Я еле замечаю мокрый поцелуй в мокрую щеку.

— Лиза, — говорит Азамат внезапно серьезно, — пожалуйста, не думай, что чье-то там внимание и уважение мне важнее, чем ты. Я растерялся поначалу, но продолжаться так не будет. И так целыми днями только и думаю: скорее бы вечер, скорее бы домой и тебя увидеть. Одно время еще уговаривал себя, что у тебя дела, работа и я тебе там совсем не нужен. А выходит, у нас даже нет времени новостями поделиться. Это моя вина, и я исправлюсь. Не злись, пожалуйста. Хочешь, обругай меня, только не злись больше.

Ишь ты, заметил! А я все гадала, когда меня прорвет и я ему выскажу все, что думаю об этом Муданге, об этом браке и о нем лично. Ну раз заметил, то можно сэкономить нервы.

— Да живи уж, — хмыкаю. — Че тебя ругать, если сам раскаиваешься? Теперь до следующей глупости любить буду. А сейчас расскажи мне, пожалуйста, как мы будем обратно подниматься?

— А вот об этом тебе беспокоиться не на-адо, — говорит он, сажая меня на плечо.

На одно, всю. Вообще-то у меня не такая уж маленькая задница, а на муданжской диете — так и вовсе... Пока я раздумываю, как это он так балансирует, мы уже наверху. И только я начинаю прикидывать, как бы не натащить в салон талого снега, как мы уже опять летим вниз с горы, я опять визжу, а Азамат хохочет, и снег везде, и небо синее-синее, и жизнь абсолютно прекрасна!

Мы прокатились четыре раза, после чего все-таки уселись в кабину, предварительно отряхнувшись. К этим костюмам снег не пристает, а какой все-таки попал внутрь, скоро должен раствориться и остаться в фильтре воздухоочистительной системы. Мне страшно подумать, сколько еще примочек есть у этого агрегата.

После таких упражнений я все-таки засыпаю. Это даже отчасти справедливо, потому что Азамат сегодня встал несколько позже, чем обычно, а вот я недоспала.

Когда я продираю глазки, мы уже садимся. В салоне играет музыка, что-то невыразимо прекрасное и вряд ли муданжское, но, поскольку мы как раз сели, Азамат все выключает.

— Приехали, — жизнерадостно оповещает он. — Вылезаем или сначала по кофейку?

Я выбираю по кофейку, а еще по котлете и по плюшке. Я и завтракала сегодня так себе. Над нами по-прежнему синюющее небо, которое видно сквозь прозрачную крышу. На сей раз мы на равнине, только кое-где видны небольшие перепады в снежном покрове. Я проглатываю остатки кофе и даю отмашку вылезать.

Азамат извлекает лыжи и небольшой рюкзачок, который вешает себе за спину. Эти его исторические лыжи крепятся на обычные ботинки ремнями вокруг ступни.

— А зачем на них мех? — спрашиваю я, топчась на месте и внезапно понимая, что палок-то нет.

— Чтобы по склону не съезжать. Ты что-то потеряла?

— Ну как бы... э... а не предполагается чего-нибудь, на что опираться, когда идешь?

— Ты хочешь палочку? — Он поднимает брови. — Ну вон до леска дойдем, я тебе вырежу.

И машет куда-то в голубую даль, я там и не вижу того леска.

— Ладно, — говорю, — если что, за тебя зацеплюсь. Показывай, как шагать...

Это оказывается не так чтобы трудно, хотя с непривычки мне очень не хватает палок. Дома-то мы с братом на всякие лыжные курорты часто ездим покататься, но там-то горы, пластик и тренажерный зал для разминки. Ну ничего, привыкну. Азамат идет медленно, под меня подстраивается.

— Не спеши, — говорит. — Бежать никуда не надо, с горки мы сегодня уже катались.

Лесочек, как выясняется, не так уж далеко, я даже не запыхалась. Впрочем, и шли мы довольно медленно. Азамат тут же изображает мне две рогулины, и я сразу чувствую себя увереннее. Местность тут несколько более бугристая, но, как выясняется, мех не дает не только назад откатываться, но и вперед сильно скользить, так что вниз по склону идешь пешком точно так же, как по ровному месту.

А в лесу хорошо. Какие-то птицы фитенькают, следов кругом тьма, белки скачут. Они здесь снежно-белые и огромные, чуть ли не с кошку размером. На Муданге вообще все зверье крупнее, чем на Земле, — вероятно, из-за слабой гравитации. Деревья, впрочем, тоже ничего себе. По краю леса еще молодые, тоненькие, а чуть вглубь — сплошные гиганты в три обхвата каждое, и крона где-то в небесной вышине теряется. Некоторые замотаны заснеженными лианами.

Азамат тихо рассказывает: вот у этого дерева листья съедобные, а вот это летом воду запасает, если надрубить чуть-чуть, польется. Над головой бесшумно пролетает жутковатых размеров хищная птица.

— Как бы жеребенка не упер, — качает головой Азамат, но, по-моему, он скорее предлагает птичке поспорить, чем действительно переживает за своих лошадей.

Мы осторожно переходим замерзший ручей, поднимаемся вверх по довольно крутому склону. Там растет куст чего-то вроде калины. Азамат тут же срывает несколько ярко-красных гроздей сморщенных ягод и предлагает мне:

— На, попробуй. Эти только по берегам Дола растут.

Ягоды кисло-сладкие с мелкими мягкими косточками и липнут к зубам, как карамель.

— Здорово, — говорю. — У вас даже зимой в лесу что-нибудь съесть можно.

Мы двигаемся дальше, вот только Азамат теперь принимается каждые пять минут спрашивать, не устала ли я. Я отвечаю все менее и менее добродушно и в итоге толкаю его в сугроб. И когда эти муданжцы научатся ждать от меня подвоха? Он ведь и правда падает. Естественно, мы долго ржем.

— Да, — говорит, — теперь я понимаю, как ты тогда Алтонгирела уронила. А то он все «боги», «боги»...

Лес редет, зато мы все чаще идем в гору. Мне, конечно, теперь неохота признаваться, что я и в самом деле устала, но что-то уже совсем тяжело становится. Только я набираюсь духу, чтобы все-таки признаться, как мы выходим на открытую ровную площадку, с которой разворачивается потрясающий вид на собственно Дол.

— Ух ты-ы-ы, — только и выговариваю я.

Слева возвышаются совершенно монументальные горы, гораздо выше, чем те, что окружают Ахмадхот. Справа чуть-чуть леса, а потом сколько хватает глаз бескрайняя степь

под снегом. А прямо — слепящая, искрящаяся на солнце водная гладь под ультрамариновым небом. И ни единой души нигде. Я поняла наконец, чем так прекрасны муданжские пейзажи — в них нет и следа человека! Я хочу немедленно поделиться своим открытием.

— Как это здорово, что тут никого нет!

— Однако, — смеется Азамат. — Ты сильно устала от людей!

— Да нет, не в этом дело... просто на Земле нет такого места, где бы не было людей, понимаешь?

— Что ж у вас, совсем дикой природы не осталось?

— Да нет, заповедники-то есть, но туда ведь не пускают. То есть если ты работаешь в охране или изучаешь какое-нибудь зверье, то по специальному пропуску можешь пройти, а все остальные — только по туристическим тропам группами по десять человек. А здесь можно так вот запросто войти в лес — и никого...

Азамат смеется и мотает головой, дескать, подумать только, какие у землян проблемы.

Мы плюхаемся на лежащий на земле ствол чересчур раскидистого дерева неизвестной мне породы и отдыхаем, любуясь нетронутым древним пейзажем. Азамат снова принимается что-то напевать, как тогда на канатной дороге. На сей раз я все-таки спрашиваю, что это.

— Это из цикла песен о сотворении мира. Тебе-то я его очень кратенько пересказал, а там ведь на самом деле про каждую речку отдельно, не говоря уж о горных хребтах. А Дол — это вообще отдельная тема. Горсть старого бога, в которой скопилось молоко Укун-Танив... Безумно красивая песнь. Когда будет праздник начала лета, обязательно послушай, тогда весь цикл поют.

— Да мне и в твоём исполнении нравится. У вас эти певцы все верещат, как будто им что-то отдавили.

— Ты просто по-настоящему хорошего певца еще не слышала. Ахамба, конечно, неплох, но он скорее интонацией берет, а не голосом. Ну да ничего, услышишь еще.

Мы снова что-то съедаем, а потом идем вниз, к берегу. У самой кромки полоса льда метр-два шириной, а дальше вода плещется. Азамат довольно потягивается.

— Весна!.. — Внезапно он настораживается и оборачивается в сторону полей. — Не так тут безлюдно, как ты говорила... У нас сейчас будут гости.

Минут через пять я начинаю различать какую-то движущуюся точку на горизонте. Мы отходим от воды под деревья и ждем, кого это принесет нелегкая. Наконец перед нами притормаживает всадник на большой ярко-рыжей мохнатой лошади. Всадник, мужик примерно одного с Азаматом возраста, спрыгивает в снег и приветствует нас согласно этикету — кланяется, перекрестив руки на груди и положив ладони на плечи. Азамат руки тоже скрещивает, но не кланяется, а только чуть кивает. К счастью, женщины в присутствии мужа вообще не должны здороваться с посторонними.

Незнакомец открывает рот и принимается говорить — и я понимаю, что ни шиша не понимаю. То есть вроде все по-муданжски, но ни хрена разобрать не могу. Однако я чувствую, что Азамат еле заметно расслабляется. Очевидно, тут никаких проблем.

— Очень рад встрече, — говорит Азамат. — Да, мы с супругой как раз решили осмотреть землю, которая мне досталась. Наш унгуц стоит за этим лесом. Я думаю, мы сейчас вернемся к нему и нагоним вас, а там вы нам все покажете?

Всадник отвечает утвердительно, хотя и косится на меня с сомнением. Думаешь, не дойду?

Азамат с ним прощается, он вспрыгивает обратно на своего веселого конька и неспешно

удаляется откуда явился.

— Кто это был? — спрашиваю с интересом, разворачиваясь к лесу.

— Один из пастухов, — недоуменно отвечает Азамат. — Он же представился.

— Я ничего не поняла, что он говорил!

— А-а... ну да, он из Долхота, они там немного не так говорят... Но все то же самое, только чуть-чуть звучит по-другому. Ты привыкнешь.

— Надеюсь, — вздыхаю я. Стоило столько времени учить этот долбаный язык, чтобы обнаружить, что у него еще и диалекты есть! — Так чего он хотел?

— Ему Старейшина Унгуц птичку прислал, что мы сегодня здесь будем...

— Птичку?!

Азамат хохочет.

— Да нет! Это просто говорится так... ну вроде как сообщил или намекнул... То есть я не знаю, как именно. Может, человека послал, может, позвонил... кто его знает. Поэтому так и говорят, птичку послал, когда не знаешь, как именно. Так вот, он хочет показать нам табун, а еще говорит, что тут есть постоянные шатры, в которых можно заночевать.

— Хорошо, — киваю. — В постоянном шатре ведь теплее?

— Да, там печка и шкуры на полу.

Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Вот сейчас как раз один из таких моментов. Скажи мне кто два месяца назад, когда я собиралась бороздить космические просторы, что через эти самые два месяца я буду деловым тоном обсуждать с мужем, что в постоянном *шатре* теплее, потому что там *печка* и *шкуры*, — да я бы сразу психовозку вызвала!

Я плюхаюсь на сиденье унгуца и с трудом удерживаюсь от того, чтобы немедленно заснуть. Все-таки тяжело с непривычки шастать по лесу на лыжах. Но, как я понимаю, это не последний на сегодня аттракцион.

Мы взмываем над полем и летим прочь от внушительных гор вдоль берега вслед за едва различимой в снегу фигуркой всадника. Солнце уже намекает, что оно тоже за день нагулялось и хочет баиньки где-то там, за снежным горизонтом. Мы же вызывающе показываем ему длинный нос с рогами и летим к новым приключениям.

Минут через пять мы обгоняем нашего пастуха, он машет нам снизу рукой и указывает, в какую сторону лететь дальше, что мы и делаем. Еще через пять минут, судя по всему, прибываем на место.

Здесь снежная гладь подвытоптана, из нее, как луковицы, торчат четыре шатра, у них из вершинок вместо перьев струится дым. Азамат сажает нас в нескольких шагах от крайнего жилища. Вылезать наружу мне очень не хочется, но в шатре спать все-таки удобнее, чем в кабине, так что мы снова вытряхиваемся на снег.

Едва коснувшись ногами земли, я замечаю, что на нас с лаем несутся два пса, вероятно, пастушьи помощники. Да как несутся — уши и язык развеваются где-то за спиной, задние лапы вперед передних — в общем, того и гляди, врежутся в бок унгуца. Я порываюсь запрыгнуть обратно в кабину: не то чтобы я боялась собак, но эти уж очень жаждут встречи, на мой вкус.

— Лиза, да чего ты от собак шарахаешься? Они ведь табун охраняют, это свои собаки.

— Ага, только они нас впервые видят и вряд ли им дали наш словесный портрет.

Азамат хихикает и отмахивается от меня, а когда собаки подбегают поближе, рывкает на них какое-то жуткое сочетание согласных, которое, видимо, означает «цыц».

Собаки тормозят так, что снег столбом, а правая даже наворачивается через голову. В глазах их сразу воцаряется покорность, мольба о прощении и надежда, а вдруг дадут что-нибудь сгрызть.

— Ничего себе охраннички! — говорю. — Это, если правильное слово знать, кто угодно их окоротить может?

— А вот и не кто угодно, — наставительно говорит Азамат. — А только тот, у кого право есть. Это же не просто так дворняги, их специально выводили, чтобы чуяли, что у человека на уме. Я вот знаю, что я их хозяин, — они ко мне и подлизываются.

Псы и впрямь принялись тереться у его ног и просительно заглядывать в глаза. Только бы лизаться не начали, надеюсь, манерам их тоже обучают...

Тут на звук собак из шатров появляются люди — трое мужиков, укутанных в длинные шубы до самых пят. Азамат кричит им что-то приветственное, и мыдвигаемся им навстречу. Мужики поначалу совершенно неприлично на него пялятся, потом немного неуверенно кланяются. Азамат кивает в ответ, и мы заходим в шатер.

Муданжский шатер — это такая огромная круглая палатка из шкур, на первый взгляд кое-как накинутых на каркас. Посередке разведен костер, обложенный в два ряда аккуратными камушками, а под боком у него пригrelась металлическая печечка без одной стенки; ее труба изогнута, а на сгибе припаяна перевернутая воронка, своего рода вытяжка, в которую уходит дым от костра, и все это поднимается к дыре в потолке. Пол застелен

шкурами, на каркасе растут крючочки для подвешивания одежды, утвари и мешков с чем угодно. Каркас у шатра металлический, в нем отражается и бликует золотистое пламя. В шатре весьма просторно, человек десять легко улягутся; крыша у самых стен на высоте моего плеча, а в центре метра четыре. На печке пытит чугунок, время от времени выплевывая несколько пенистых капель, которые с шипением стекают по его боку, наполняя воздух сытным дымным запахом.

— Мы уж думали, вы вовсе не приедете, — неожиданно понятно говорит один из пастухов. У него тоже есть акцент, но какой-то другой, более четкий. — Зачем столичному барину переться в эту глушь...

— А я не столичный, — хмыкает Азамат, — я из Худула, мне степь что лужица.

— А-а, земляк! — с явным облегчением восклицает пастух.

Другой тоже что-то говорит, но его я, увы, не понимаю. Внятный продолжает:

— А я по другую сторону Рулмирна от Худула родился. Поехал вот в столицу на заработки, да и осел на полдороге. Красиво тут...

Они некоторое время обсуждают местные пейзажи, пока мы рассаживаемся у огня, а пастухи заканчивают приготовления к ужину. Эти потрясающие люди так и ходят тут в своих длинных шубах, кажется, вообще без застежек. И варежки прямо из рукавов растут, только кончики пальцев и можно высвободить. Мне-то в верхней одежде через пару минут становится невыносимо жарко, так что я стаскиваю для начала шапку и шарф. Появление в студии моих лохматых кудряшек вызывает резкую паузу в разговоре; пастухи оторопело переводят взгляд с меня на Азамата и обратно.

— Жена, — наконец коротко и категорично произносит Азамат.

Я довольно улыбаюсь и подсаживаюсь к нему поближе, чтобы ни у кого не возникло сомнений.

— Красивая... — протягивает северянин таким тоном, каким говорят «не может быть!».

— Сам удивляюсь, — усмехается Азамат.

Молчание затягивается, и мне становится неловко.

— Может, я схожу до унгуца, принесу еды? Раз уж мы ее столько набрали...

Азамат немедленно подпрыгивает пойти вместе со мной.

Уже около самолетика он также порывается сам дотащить и термопак, и одеяла, и какую-то одежду для спанья, но руки у него все-таки только две, так что я обращаю его внимание на то, что термопак с колесиками и его можно катить. И укатываю, пока Азамат не придумал контраргументов.

Сквозь шатер прекрасно слышно, что говорят внутри. Даже лучше, чем мне бы хотелось, — конечно, они обсуждают Азамата. И откуда у такого уроды такая жена, и с какой стати он получил эту землю, неужели не нашлось более достойных, и так далее. И это только из того, что я могу понять. Собаки у них тут явно умнее людей.

Когда я вхожу, они, конечно, замолкают, но и это не очень-то почтительно выглядит. Они ведь знают, что сквозь шкуры все слышно, а у муданжцев такой слух, что Азамат, наверное, от самого унгуца все разобрал. Я уже собираюсь с духом сказать заготовленную гадость, но тут меня огорошивают вопросом:

— Как муж?

Это спросил один из долхотчан, так что я поначалу не уверена, что правильно его поняла. Поэтому я переспрашиваю, повернувшись к северянину. Он повторяет все точно так же:

— Как муж?

— Как его здоровье? — уточняю я.

Они смеются и мотают головами. Муданжцы очень забавно мотают головой — до предела и притормаживая на дальней точке, как будто методично оглядываются через оба плеча. Я недоумеваю:

— А что тогда?

— Ну... ну как муж? — продолжают настаивать пастухи.

— Нормально, — пожимаю плечами, окончательно сбита с толку. — Здорово. Хороший муж, очень заботится.

Мужики смотрят на меня как на больную. Чего им от меня надо?

Тут входит Азамат.

— Они дают тебе возможность на меня пожаловаться, это проявление вежливости, — чеканно объясняет он и, пока я хлопаю жабрами, продолжает в том же сухом, наставительном тоне, повернувшись к пастухам: — Моя жена с Земли, у них многие вещи устроены по-другому, так что ей надо все подробно объяснять.

О да. Он их прекрасно слышал. И злой теперь, как лесной демон.

— Мне не на что жаловаться, — тут же вставляю я.

Они как-то нехорошо косятся на Азамата. Небось решили, что он меня запугал и не разрешает о себе дурно говорить. А мы-то с ними едой делиться собрались!

К счастью, тут наконец подъезжает наш провожатый; я слышу, как он тормозит свою лошадь каким-то нечеловеческим гортанным звуком.

— А, Азамат-ахмад! — радостно восклицает он, едва войдя в шатер, а потом продолжает что-то говорить про то, легко ли мы нашли да как тут устроились, насколько я могу понять.

Меня, да и всех присутствующих, несколько удивляет его обращение. Северянин тут же тихонько у него спрашивает, дескать, ты чего тут поклоны разводишь, это же просто хозяин земли, и не бог вещь какой важный.

Наш провожатый прямо-таки задыхается от возмущения, а потом широким жестом отмахивается от своих коллег:

— Что с вас взять, вы ж никогда на Белый День не ездите в столицу. Вы бы видели, как он на боях выступил, все бы поняли сразу, бездельники!

Во всяком случае, я думаю, что он сказал примерно это. Я начинаю понемногу привыкать к долготскому акценту, особенно если уши тремя слоями утеплителей не закрыты. Во всяком случае, за «бездельников» точно отвечаю!

Азамат явно польщен, и я тут же расслабляюсь. Обидчиков поставили на место, а моего мужа есть кому защитить и без меня. Благодарить! Вот сейчас еще поужинаем...

Тут уже совсем жарко. Я решительно вылезая из комбинезона и верхнего свитера, а потом и Азамата вытряхиваю из лишней одежды. Нечего ему перегреваться. Потом углубляюсь в изучение термопака: такой моделью я еще не пользовалась. Обычно отдельно переносной холодильник, отдельно жаровня. А тут комплект — три отделения, в каждой коробочка с едой. Для каждого можно указать количество градусов. Хочешь — минус двадцать, а хочешь — плюс сто. Только выключить вовремя не забудь... или оно само выключается, когда закипит?

Мужики тем временем обсуждают что-то про лошадей и прогнозы погоды на весну и лето, основанные на поведении перелетных птиц, облаков, рыбы в море и чем-то еще столь

же точном. Впрочем, может быть, в этом и есть зерно истины.

Поклонник Азаматовых боевых успехов обещает завтра нас первым делом отвести в конюшни, чтобы мы прониклись, восхитились и покатались. Азамат его тут же осаживает:

— Давайте не очень рано, моя жена любит утром поспать.

— Да я вообще удивляюсь, — отвечает тот, — что вы такой цветок потащили в степь по снегу.

— Это еще кто кого потащил, — смеется Азамат. — Моя супруга — суровая земная женщина, может взрослого воина с ног свалить одним ударом, а тут подумаешь, какие-то лыжи!

Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не заржать, глядя на благоговейные лица пастухов.

Мы ужинаем их похлебкой с нашими пирогами, после чего они расходятся по другим шатрам, а нам оставляют этот в полное распоряжение. Они сначала, конечно, хотели освободить нам два шатра — как же, не могут ведь богатые супруги из столицы провести ночь вместе! Но Азамат им строго указал, что я не умею, да и не должна, управляться с печкой, а тем более костром, и вообще, ему не нравится идея оставлять меня одну — и при этом выразительно так посмотрел на троих из четырех пастухов, что сразу стало ясно, что именно ему не нравится. Про костер он, кстати, соврал, с костром я управляться умею. Впрочем, я никогда об этом не говорила, так что он имеет право не знать.

Вот тут-то и возникает первая трудность выгуливания меня на природе. А именно — я не могу лечь спать, не помывшись хотя бы символически. А Азамат, конечно, предусмотрел все, кроме этого. В шатре же никакого тазика и в помине нет, а мытье на улице в этом сезоне исключено...

Азамат, правда, находит простое решение: отворачивает пару шкур, под ними песчаная земля, слегка подогретая теплом постоянно поддерживаемого костра и потому не насмерть заледеневшая. Воду впитает, во всяком случае.

Потом выясняется, что воды в канистрах с водой хватит на чай и суп, но никак не на помыться. Так что мы (я, естественно, настояла на том, чтобы не один Азамат маялся с моими запросами) одеваемся, выходим наружу и нагребаем снега во все имеющиеся емкости, а потом греем все это до получения нужного количества воды. Даже больше чем нужного, примерно вдвое. Так что, когда наконец доходит до мытья, сначала Азамат поливает меня, а потом я его. Он поначалу сопротивляется, но у меня есть веский довод: по грязному мазаться плохо.

— Ну можно ведь сегодня пропустить, — осторожно предлагает Азамат, которому совершенно не хочется раздеваться и мокнуть.

— Солнце, давай проясним этот момент, — говорю я, выразительно двигая бровями. — Если я сказала «каждый день», это значит каждый день. И откосить ты сможешь не раньше чем я удостоверюсь, что ухудшение не начнется снова. Так что никаких пропусков, а то знаю я вас, мужиков. Сегодня день пропустим, а потом неделю, а потом месяц, а потом вообще забудем на все, потому что не помогает. Нет уж!

— Хорошо! — Он поднимает руки, дескать, сдаюсь.

Вот и славно.

Помимо чисто лечебных соображений мной руководят и другие, а именно — у Азамата такое красивое тело, что грех отказывать себе в удовольствии его лишней раз пощупать и полюбоваться на него. Самому Азамату я пыталась это объяснить, но он не только не

поверил, а и вовсе решил, что я зачем-то ему вру, чтобы что-то у него выключить, что уж вовсе странно, ведь он и так все с радостью для меня сделает... Короче, я решила пока помолчать о своем извращенном представлении об удовольствии, чтобы не провоцировать семейные ссоры. Авось когда-нибудь он успокоится и начнет мне верить, но явно не в ближайшие месяцы.

Когда с мытьем и малярными работами покончено, у нас образуется новая тема для спора: Азамат хочет укутать меня в восемь одеял, но ему самому в таком коконе будет жарко, а я, естественно, предпочитаю вдвое меньше утеплителей, зато мужа под боком. В итоге мы сторговываемся на том, что тремя одеялами мы укрываемся вместе, а потом на меня кладем еще несколько индивидуальных. Надо ли говорить, что ночью я все это радостно стряхиваю и дальше сплю при комфортной температуре Азаматова тела.

Поспать подольше не удастся — я просыпаюсь от дикого ржания и топота, как мне кажется, прямо рядом с моей головой.

— Лиза, ты куда? — сонно спрашивает Азамат, когда я подскакиваю, не совсем еще соображая, где мы и почему.

Ах ну да, это просто сквозь шатер все так слышно хорошо.

— Эти ваши лошади очень громкие и неожиданные, — ворчу я, откапывая в ворохе одежды мобильник с часами.

На них семь. Отвратительно, но, с другой стороны, мы вчера и легли максимум в девять, так что я должна была выспаться. А спала мертвецки после всех нагрузок и споров. Ноги воют волком, я, конечно, все потянула вчера. Но у меня с собой мазь от мышечной боли. Ладно, надо уж вставать, а то, если сейчас обратно лягу, разве что к обеду удастся меня поднять. Азамат, впрочем, какой-то унылый.

— Ты же обычно в это время уже встаешь, — говорю. — Спал плохо, что ли?

— Полночи вообще не спал, — пожимает плечами он. — Слушал...

— Что? — Я оглядываюсь по сторонам.

— Все. Ветер, лошадей, собак, мышей под снегом... иногда сова или лиса рядом охотились. Разок, кажется, шакал заходил, но тут я не уверен...

Глажу его по голове.

— Так тебе на охоту надо было выбирать, а не со мной гулять. Так бы и сказал, что ж ты все мучаешься?

— Да я не мучаюсь, — он начинает выбирать из-под одеял, — мне просто скучно спать, когда вокруг столько всего происходит. Ничего, переживу. Давай одеваться... хотя ты же сначала, наверное, поесть хочешь?

— В семь утра я на это не способна, — хмыкаю. — Так что не буду заставлять тебя ждать.

Я быстро натираюсь кремом от растяжения, мы одеваемся и выпадаем из темного теплого шатра в лучистый продувной день.

Муданжские лошади — это нечто. Я, конечно, вообще лошадей в жизни мало видела и больше в фильмах и на картинках, чем живую. И все-таки, я думаю, тут какая-то особая порода.

Во-первых, они исполинские. Та, на которой вчера за нами приехал пастух, — довольно миниатюрная по сравнению с основной массой табуна. Мне объяснили, что пастухи ездят

только на своих собственных лошадях, а особо крупные экземпляры, понятно, и жрут в особо крупных размерах, и это невыгодно. К тому же мы стояли на снегу на лыжах, а того снега там было немало, лошадь же благополучно проваливалась по колено, так что оценить ее рост было трудновато.

Во-вторых, они косматые. Длинные, аккуратно расчесанные пряди спускаются со спины почти до колен и слегка кудрявятся под брюхом и шеей. Собственно, гривы как таковой у этих тварей нет, она не выделяется на фоне прочей обильной шевелюры. А хвост — ну хвост, классическая такая метелка.

— А им летом не жарко? — спрашиваю, пока мы прогуливаемся вдоль выстроенных на парад диковинных зверей, по ошибке названных лошадьми.

— Здесь — нет, — отвечает Азамат. — А на юге лошади лысые.

Конюшня, где этих скотин держат зимой, оказывается, стоит прямо рядом с шатрами, только она белая и снегом засыпана, так что мы ее вчера с воздуха не разглядели. Впрочем, что это я, Азамат-то все разглядел, это у меня глаза где-то не там растут.

Азамат подходит то к одному, то к другому гигантскому копытному, рассматривает морду, приподнимает губу, гладит по шерсти. Собаки вьются вокруг нас вперемешку с пастухами — и тем и другим любопытно и тревожно, что скажет новый хозяин.

— А ты собираешься одного себе взять? Домой? — интересуюсь я. В Ахмадхоте вроде тепло. Как бы не пришлось эту скотину брить на лето...

— Почему только одного? — удивляется Азамат. — Двоих как минимум, а то и еще кое-кому в подарок можно прихватить.

— Ты же не думаешь, что я буду на *этом* ездить? — с содроганием уточняю я.

— А почему нет? — снова удивляется он. — Отличные кони. Все твои соседки обзавидуются, когда увидят. Не все же тебе пешком ходить, а по городу на машине не всегда удобно, улицы-то узкие.

— Может, я лучше на велосипедике... — безнадежно блею я. — Я же не умею на лошади...

— Ну вот, — хмыкает Азамат. — На лыжах умеешь, а на лошади нет. Для столичной дамы с певчим именем это никуда не годится. Уж придется научиться, лапочка моя.

Лапочкой он меня вполне искренне назвал, но в общем контексте это как-то неприятно прозвучало. Мы проходим еще несколько шагов, и Азамат останавливается перед очередной здоровенной скотиной совершенно сахарно-белого цвета. Скотина что-то меланхолично пережевывает и поглядывает на хозяина из-под полуопущенных ресниц.

— Попробуй-ка вот эту, — кивает мне муж. — Ты на белой лошади будешь смотреться просто сногшибательно.

— А падать я с нее буду головоломательно, — передразниваю я его по-муданжски. Ему страшно нравится, когда я принимаюсь коверкать его родной язык, даже завел заметку в мобильнике, куда записывает мои экзерсисы, как за маленьким ребенком. Пастухи реагируют грохочущим смехом, хотя, казалось бы, довольно очевидное построение. — Ты подумал, как я на эту махину забираться буду?

— Естественно, — кивает он, поворачивается к соседней лошади и одним махом с места запрыгивает ей на спину. — Иди сюда, я тебя подниму.

Я понимаю, что вот она, смерть моя, но то ли воздух на Муданге такой, то ли я уже давно крышей подвинулась, во всяком случае, мне претит струсить перед этими пастухами, после того как Азамат меня вчера отрекомендовал. Так что я, изо всех сил стараясь

успокоить сердцебиение, послушно подхожу поближе. Он нагибается, подхватывает меня под мышки и без труда усаживает верхом на белую кобылу. И только тут я понимаю, что на ней нет ни седла, ни вожжей, НИЧЕГО!!!

— Азамат, я без понятия, как ею управлять, — быстро выговариваю я.

— Да легко, — заверяет он, хлопает ладонью по холке своей твари, и та трогается медленным шагом.

Моя безо всякой команды шагает следом. Ну ладно, пусть идет, по крайней мере пока она идет за Азаматом. Главное — не думать о том, что все вот это подо мной — живое тело с собственными мозгами и мнением обо мне... ой нет, я сказала, НЕ думать об этом! А то точно грохнусь. Итак, люди во всех уголках мира на протяжении тысячелетий ездили на лошадях... а по статистике травматизма этот транспорт на каком месте? Не знаю, и хорошо.

Азаматова скотина ускоряется, моя тоже. Меня начинает потряхивать, а держаться не за что, разве только за шерсть. Я инстинктивно прижимаю колени и пятки к бокам лошади в надежде, что так буду прочнее сидеть. Эта зараза прибавляет шаг. Я хватаюсь за шерсть на шее — она опять ускоряется! Азамата мы догоняем в два прыжка, и я с трудом подавляю желание за него ухватиться — так ведь и повисну!

— Останови ее как-нибудь, — верещу, проносясь мимо.

Видимо, у меня достаточно перепуганный вид, чтобы Азамат наконец понял, что все плохо. Он еще раз хлопает свою лошадь по шее, догоняет и обгоняет мою и разворачивается поперек движения. За это время мы успели ускакать в степь так далеко, что пастухов уже не видно.

Я тяжело дышу, вцепившись в протянутую Азаматом руку, и дрожу как осиновый лист. Моя лошадь фыркает, трясет головой и порывается из-под меня уйти, но Азамат ее окликает и заставляет стоять на месте. Мы друг другу очень не нравимся.

— Куда ты рванула?

— Я рванула? Это она рванула! Моя бы воля, я бы с места не двинулась! Она сама за тобой пошла, а потом, что бы я ни делала, она все быстрее и быстрее...

— Лиза, не тараторь. Если ты будешь так бояться, она не будет тебя слушаться.

— Что значит — не будет? Уже поздно. Наши отношения безнадежно загублены на корню. Снимай меня, на фиг, я накаталась!

— погоди, погоди, не мельтеши. Лошадь остановить очень просто, надо только вот так крикнуть...

Он снова издает тот жутковатый гортанный рев, которым они тут тормозят лошадей. Я честно пытаюсь его изобразить, но у меня ничего не получается. Кобыла переступает с ноги на ногу, у меня начинает кружиться голова.

— Почему ты мне его не показал ДО того, как сажать меня на лошадь, а? — дрожащим голосом спрашиваю я, прикидывая, в какой сугроб будет мягче спрыгнуть, если эта тварь опять куда-нибудь рванет.

— Я был уверен, что ты знаешь, — не моргнув глазом отвечает он.

— Ну почему?!

— Ну а как иначе на лошади ездить?

— Никак! Азамат, я же тебе говорила, что никогда не ездила на лошади, даже не сидела!

— Что... вообще никогда? — потрясенно переспрашивает он, свободной рукой поглаживая морду моей кобылы, чтобы не ушла.

— Вообще! Ни разу! Ни секунды! Ни чуть-чуть! Ни во сне, ни у мамы в животе, НИ-

КОГ-ДА!! Как тебе еще объяснить?!

— Кхм. Я решил, что ты преувеличиваешь, — растерянно кается он. — Ладно, тогда слезаем.

Наконец-то! Наконец-то он меня снимает с этого ходячего кошмара!

Правда, только для того чтобы обучить правильным звукам, но и то хлеб.

— Прости, пожалуйста, — бормочет он, спрыгивая в снег рядом со мной. — У нас ездить на лошадях учатся года в три-четыре, а то и раньше. Это все равно как не уметь водопроводный кран открыть.

— У нас в аэропортах раздают буклеты, — язвительно отвечаю я, — в которых нарисовано, как открывать краны и спускать воду в унитазе в стране, в которую прилетел. Еще вопросы будут? Тем более ты знал, что я зверей только в зоопарке и видела.

— Ну то звери, а то лошади! — в отчаянии восклицает Азамат.

Мне становится смешно. Он все-таки иногда ужасный дикарь, но по крайней мере сверзиться мне не дал.

Дальше мы сидим в снегу (поскольку ходить по нему невозможно, слишком глубоко) и обучаем меня правилам дорожного движения. Когда я пять раз подряд без запинки воспроизвожу все звуки и жесты и что они значат, Азамат решает, что меня можно испытать второй раз. Я от этой идеи не в восторге, но чувствую себя увереннее.

Поначалу все идет хорошо. Я заставляю кобылу стоять, пока Азамат отъезжает. Потом он останавливается, а мы подходим поближе. Потом мы крутимся на месте. Мне снова становится не по себе: кажется, я так задолбала свободолюбивую скотину, что она вот-вот меня совсем скинет. Но я изо всех сил подавляю панику и притворяюсь, что это я тут главная, а не она. Интересно, долго ли она будет мне верить.

Наконец мы направляемся обратно к конюшне. Поначалу едем ровно, но Азамату ведь не придется... Он подбавляет скорости, соответственно мы тоже. Вон уже и шатры видны, и прочие кони. Моя кобыла, сама не своя от счастья, что вот он дом и вменяемые люди, которые умеют обращаться с лошадьми, прибавляет ходу. Я ее окликаю, но это не производит должного эффекта. Окликаю снова, погромче, — ни фига. Азамат уже далеко позади, что-то кричит, но я не разбираю. Рычу на лошадь во всю глотку, а ей хоть бы что, понимает ведь, что ничего я ей не сделаю. Я уже не столько боюсь, сколько злюсь. Я, значит, тебе побоку? Со мной можно не считаться, да?!

В итоге, как раз когда мы на бешеной скорости подлетаем к пастухам, я забываю, на фиг всю Азаматову науку и на чистом родном языке, не знакомом ни пастухам, ни тем более лошади, обкладываю ее до десятого поколения в обе стороны, одновременно изо всех сил дернув за ухо. Кобыла разворачивается практически на лету — как я удержалась верхом, понятия не имею, ухо я ей оттянула на совесть, думаю, — и останавливается. Прочие кони стоят так же, как мы их оставили, — строем через равные промежутки.

— В стррррой, сука! — изо всех легких командую я, потягивая ее несчастное ухо в ту сторону, где зияет прогал между лошадьми.

Лошадь тихонько ржет, пригибает голову и мелкой трусцой пендюхает на свое место. Я из последних сил перекидываю через ее зад свою правую ногу и спрыгиваю на землю, отхожу подальше, еле переставляя копыта... тьфу, в общем, все поняли.

Тут в вихре поземки прискакивает Азамат. Он, кстати, отлично смотрится верхом. На лошади сидит так, как будто прямо там и родился. Впрочем, видимо, это недалеко от истины. Пастухи тоже подбегают.

— Азамат-ахмад! — вопит любитель боев. — Вот это, я понимаю, жена! Как она на своем страшном земном языке лошадь-то построила!

— А какие маневры! — вторит северянин. — Я уж думал, они вместе кувырнутся, на такой скорости лошадь разворачивать — вот это да!

Азамат, впрочем, оценивает обстановку трезвее.

— Лиза, ты что! — напускается он на меня на всеобщем. — Разве можно так за уши драть! Она же могла тебя сбросить!

— Она в любом случае собиралась меня сбросить, — отмахиваюсь я. — А так хоть я ей напоследок объяснила, как она мне нравится.

— Никогда больше так не делай! Пообещай мне!

Ого, да он побледнел. Что-то я, похоже, и правда перемудрила. Точнее, наоборот...

— А что я должна делать, если она не слушается? Я все делала правильно, а если она команд не понимает, я, что ли, виновата? — оправдываюсь я.

— Она не звездолет, — тихо говорит Азамат. — Это не так чтобы кнопку нажал — полетели, другую нажал — остановились. Она живое существо, с ней надо взаимодействовать.

— Вот в этом-то и проблема! — киваю я. — Она живое существо, а я не хочу ездить на живом существе, я хочу на машине, которая либо слушается, либо сломалась!

— Ну разве так трудно найти общий язык с лошадью? — вопрошает он.

— А я и искать не собиралась! Лошадь хороша в зоопарке за решеткой! Все, хватит с меня на сегодня катаний, пойду в шатре посижу, позавтракаю наконец.

— Но, Лиза...

— Тебя я не задерживаю.

И я решительно, не оглядываясь, ухожу в шатер. Есть-то и правда хочется.

Пастухи за моей спиной пытаются успокоить Азамата. Дескать, подумаешь, с женой поругался, это ж все время случается. Недавно женился? Привыкай. Да и разве можно на женщину так ругаться, если она такая крутая?

Мне от этих разговоров как-то не по себе. Я-то знаю, что я не крутая, а тупая. Да и примерять на себя образцы поведения муданжских женщин тоже не улыбается. Вот поганая кобыла!

Костерок в шатре еле тлеет, приходится его взбодрить, прежде чем что-то на нем греть. Можно, конечно, в термопаке, но мне очень нужно самоутвердиться — тут я хотя бы все умею!

Пожевав разогретых *хунь-бимбик*, я несколько прихожу в себя и начинаю прикидывать, какой у меня нынче день цикла, а то что-то я расписовалась без причины. Ну подумаешь, лошадь. Бывало и похуже. А тут еще и Азамата обидела. Он ведь не нарочно меня подставил, да и не потому, что махнул рукой и не позаботился. Он всегда обо мне заботится, когда может. Просто мы немного друг друга не поняли. Наверное, у меня за месяц злоба накопилась.

Вообще, что-то я давно с семьей не общалась. А надо бы. Вот сейчас позвоню Сашке, расскажу, какая я дура, он мне поддакнет, я успокоюсь и пойду к мужу извиняться и обниматься. Вот только сети тут нет конечно же.

Но у нас с собой было! Я ведь предусмотрительный человек и, когда еду в степь зимой кататься на лошадях, обязательно беру с собой антенну на парашюте. Это такой пистолетик; выстреливаешь в небо, вылетает проволочка с воздушным шариком и высоко-высоко ловит

сигнал тебе в бук. Потом жмешь другую кнопку, она втягивается. Только шарики одноразовые, менять надо потом. Все просто и закономерно, не то что эти лошади, брр!

Подсоединив пистолет-модем к буку, выхожу в эфир. А там Сашка, растрепанный, глаза на лоб, на щеках нездоровый румянец.

— Лизка! Где тебя черти носят?! Ты уже вторые сутки офлайн!

— Да мы тут на природу выехали... — бормочу я. Мало мне было Азамата перепугать сегодня.

— Ну а почему ты не в Сети?!

— Так тут ее нет. Сейчас вон антенну выстрелила — появилась. — Я выразительно дергаю за проволочку, которая уходит от пистолета через дырку в крыше шатра в небо.

Сашка выдыхает и явно считает до десяти.

— Ты бы хоть предупредила, что собираешься в такую глушь.

— Откуда ж я знала, что тут Сети не будет! Не такая уж глушь, между прочим. Тут содержится табун лошадей, которым Азамата наградили на боях.

— А еще табун коз и табун поросят, — передразнивает меня братец. — И коллега по работе.

— Ну тебя, — говорю. — У меня и так день не задался, еще ты тут по мозгам ездешь. Рассказал бы лучше что-нибудь хорошее.

Сашка рассказывает, что у них опять сменился шеф, что ему уже донесли про меня, причем наболтали с три короба о том, как я умею ставить палки в колеса всяким бюрократам, так что он изрядно испугался и собирается прислать мне прямо на Муданг официальные извинения, прямо на бумаге напечатанные. Я посоветовала не тратить на это бумагу, мне и на пластике стодится, тем более что я неплохо устроилась в принципе, если только с лошадями не падать...

На этом месте приходится Сашке все-таки изложить, во что я тут ввязалась. У него снова глаза на лоб полезли.

— Ну ты авантюристка! Ты не могла ему просто сказать, что не сядешь на лошадь?

— Да понимаешь, он так убедительно говорит... — пожимаю плечами. — Сразу как-то верится, что он знает, как надо.

— Ну да, замечательно, — кривится Сашка. — Теперь ты на него наорала при чужих и ушла, хлопнув дверью. Это, конечно, суперстратегия. Что-то ты, сестренка, сдавать стала. До сих пор ты гораздо трезвее мыслила в бытовом плане. Гормончики разгулялись?

— Да вроде сейчас не время, — вздыхаю. И тут меня посещает Страшная Мысль.

Сашку она, видимо, тоже посещает, судя по остекленевшим глазам и кривой, нездоровой ухмылке.

— Я так понимаю, тебя можно поздравить?

— Ты погоди, — говорю. — Дай хоть проверю.

Тест не занимает много времени и показывает дату зачатия — неделю назад. Чертов чип сдулся раньше времени. Хотя там ведь везде в инструкции пишут, что стресс и сильные переживания сокращают срок действия...

Мы с Сашкой еще некоторое время молча сидим перед экранами, пялясь друг на друга и в пространство. Потом я встаю.

— Пойду пообщаюсь с мужем.

И закрываю бук.

Когда я выхожу из шатра, Азамата нигде не видно. Подхожу к пастухам, которые

тусуются у конюшни, что-то там чистят.

— Где он? — спрашиваю без уточнений, и так ясно.

— Поехал кататься, — отвечает северянин. И добавляет ободряюще: — Сильно расстроился.

Дескать, я добилась своего.

— Меня это не радует, — отрезаю я.

Возвращаюсь в шатер, подключаю антенну к мобильнику, звоню Азамату, но он, конечно, недоступен. Ладно, подожду.

И вот я жду. Сначала посидела еще за буком, поотвечала на скопившуюся почту. Подруга моя прислала много ругани за то, что я ей наговорила про мударжцев. Ее тоже попытались насильно выдать замуж. Она прострелила духовнику руку и сбежала, бросив кучу вещей. Надеется, что сможет получить их потом по почте, если мударжцы не поломают все в виде мести.

Я не придумала ничего лучше, чем наивно поинтересоваться, зачем она стала наниматься к ним в штат — ведь до сих пор мы обсуждали ее работу на станции под началом тамлингов, а не на корабле у мударжцев. А то бы я ее обязательно предупредила.

Потом начинаю собирать библиотеку по беременности на раннем сроке — какие пить гормоны, чтобы на людей не бросаться, какие делать дыхательные упражнения, чтобы не откусить голову мужу, да как этого самого мужа правильно подготовить к мысли, что в семье будет пополнение... в таком духе, в общем.

За этим занятием я провожу пару часов. А мужа нет. У меня уже ноги затекли сидеть тут на подушках.

Выползаю на улицу. Пастухи где-то в поле гоняют лошадей, чтобы форму не потеряли, наверное. Я хожу туда-сюда от конюшни до шатров, но моя прогулка ограничивается площадкой притоптанного снега. Можно, конечно, лыжи надеть, но куда тут пойдешь? Кругом степь, я даже уже не помню, в какой стороне Дол, а в какой горы.

Азамата нет. Я еще раз ему звоню — хренушки.

Возвращаются пастухи, издали принимают обсуждать мою одинокую фигуру на краю обжитого пространства.

— Ишь ты, ждет! Если прощения попросит, я поверю, что этот Азамат и правда такой крутой, как ты говоришь! — веселится северянин. — А то, может, ей просто мужского общества не хватает, а?

— Ты поговори, поговори! — кричу ему я. — Может, нос тебе сломаю.

Он испуганно затыкается. Хорошо, что я все-таки не струсила и полезла на эту лошадь. А то фиг бы он поверил, что я представляю опасность.

Пастухи подходят поближе, обсуждая, что надо бы пообедать.

— Он не сказал, далеко ли поехал? — спрашиваю у нашего первого знакомого.

— Нет, — пожимает плечами он. — А тут особенно и не привяжешь к месту. С запада река, с востока горы, а на север степь и леса до самого Сирия.

Леса. Это вам не парк на Гарнете...

— Он оружие взял?

— Нет, — хмурится пастух. — Он вообще ничего не взял, так, постоял, вскочил на коня и поехал.

Я сплевываю в снег.

— Мужчины!

Пастух даже отступает на шаг.

— Да ладно вам, вернется он скоро. В степи о времени трудно помнить... подождите.

Я честно жду еще полтора часа. Потом начинаю прикидывать варианты.

На лыжах я далеко не уйду, с тем же успехом можно оставаться на месте. Унгуцем я управлять не умею. Лошадью тоже...

— Слушайте, — подхожу к нашему вменяемому пастуху, — вы не могли бы съездить за ним? Может, он тут где-то неподалеку кругами ездит, просто отсюда не видно...

Тот хмурится.

— Не мое это дело, барышня. Если хозяину угодно кататься, пастуха это не касается.

— А если хозяйке не угодно, что хозяин катается?

— А вы не хозяйка, — пожимает плечами он.

— Здравствуйте! Я его жена!

— Ну и что? Лошади его, земля его и жена его. Как он скажет, так и будет.

Ах вот как. Прекрасно.

— А тебе вообще наплевать, если его там уже волки доедают? — цежу я сквозь зубы.

Он снова пожимает плечами.

— Им что один, что двое — без разницы. А если хозяину охота одному побыть, мешать ему — последнее дело.

Я высказываюсь примерно в том же духе, что раньше в адрес лошади, и топаю к унгуцу.

Один пристальный взгляд на панель управления сообщает мне: не разберусь. Это вам не земной пассажирский звездолет. Эту штуку Азамат делал сам, по мударжской технологии и для себя, то есть никакого понятного интерфейса тут нет и быть не может. Если бы это было средство наземного транспорта, я бы еще рискнула на малой скорости. Но летать я пока не умею. Остаются проклятые копытные.

Ладно, пока вот что. Азамат, помнится, говорил, что взял бы в лес ружье. Наверное, и правда взял, так ведь? Порою емся в багажнике. Ага, вот оно, родимое. Даже примерно понятно, где предохранитель, а где спусковой крючок. И заряжено. И, насколько я знаю Азамата, почищено. Черт же их знает, может, они до сих пор пулями стреляют или чем там... Я по внешнему виду не определю.

Выхожу обратно к конюшне и окидываю взглядом поголовье скота. Конечно, мне теперь вообще верховая езда противопоказана. Но, во-первых, нервничать мне противопоказано тем более, во-вторых, всего-то неделя прошла, а в-третьих, Сашкина жена, например, занимается конным спортом, и у них там тетки аж до пятого месяца катаются без последствий. Тут главное — найти конягу помирнее.

Ну на ту белую я бы в любом случае не села. Прохожусь среди лошадей, искательно заглядывая в разноцветные глаза. Их выражение мне не особенно нравится. Внезапно я вспоминаю, что лошадь можно покормить! Сахара у меня, конечно, нет, только заменитель, а его, наверное, не будут. Зато есть какое-то печенье. Я быстро разыскиваю пакет в шатре, возвращаюсь к табуну с печеньем в вытянутой руке.

Меня довольно быстро обступают, выражение глаз становится более приятным. Пастухи высовываются из другого шатра и с интересом наблюдают за моими действиями. Пока я на них отвлекаюсь, мне в бок тыкается чья-то морда. Это оказывается довольно толстое и невысокое существо, видимо большой гурман. Оно морковно-рыжее и очень, очень лохматое. Что ж, если оно любит вкусненькое, то мы, может, и договоримся.

Северянин подходит поближе.

— Вы их не кормите сладким, — говорит. — Избалуете.

— Я не кормлю, я выбираю, — говорю. И тут меня осеняет. — А у вас есть... не знаю, как по-муданжски сказать, ну такая штука на спину лошади, чтобы сидеть удобнее было?

Он кривится.

— Это только для детей.

— Можете считать меня ребенком, только давайте сюда эту штуку!

— Вы что, тоже гулять собрались?

— Ага.

Он мотает головой.

— Хозяин не разрешал.

— Он запретил? — уточняю я.

— Нет, но и не разрешал.

— Значит, так, — говорю. — Пока хозяина нет, я за него. Если он не запретил, значит, можно. У меня есть ружье, а у тебя нету, поэтому я уеду в любом случае, но лучше дай мне на чем сидеть, а то я упаду и ты будешь отвечать перед хозяином!

Северянину задница оказывается дороже правил, так что седло он мне приносит и, после того как я выразительно потряхиваю ружьем, закрепляет на выбранном мной толстом коньке. Это оказывается самец, или как они там у лошадей называются. Стремья у седла нет, но с одной стороны есть веревочная лестница, по которой можно залезть наверх. Это хорошо, потому что даже небольшой муданжский конь все равно очень большой. Я вставляюсь в седло, счастливо вцепляюсь в ручку впереди и сообщаю коняге, что можно трогаться. Он нехотя делает два шага. Я выдаю ему печенье и — на чистом, не приукрашенном культурой и воспитанием родном языке — объясняю, что если он будет слушаться, то получит еще. Коняга обреченно вздыхает и трогается рысцой. То ли он такой толстый, что работает как амортизатор, то ли просто походка такая, но трясет на нем гораздо меньше.

Примерно через полчаса необременительной прогулки я замечаю на горизонте какое-то пятнышко. Еще минут через десять становится ясно, что это Азамат. Думаю, он меня признал еще раньше. И уже прямо отсюда я вижу, как у него округлились глаза от этого зрелища.

Когда до него остается совсем немного, я командую коню стоять, снабдив это требование парой непечатных обстоятельств места и образа действия. Мне кажется, он так лучше понимает, чем эти безумные муданжские вопли. Потом я честно даю ему еще печенье.

— Лиза... — оторопело приветствует меня Азамат. — Ты чего... одна, верхом, в седле... Кто тебя отпустил?

— Попробовали бы они меня не отпустить, — хмыкаю я, веско похлопывая по ружью.

Азамат нервно проводит рукой по лицу.

— Ты там никого...

— Не убила и даже не ранила, не волнуйся. Ты лучше скажи, куда тебя черти понесли. Я там сижу волнуюсь, эти козлы ходят насмеваются. Без оружия, без еды... Эцагана ты за подобное уволил, помнится, а сам чем думаешь?

— Лиза, ну что ты... Ты правда волновалась? — спрашивает он как будто с надеждой.

— А ты думал, я что, радоваться должна?! — вскидываюсь я. Конь подо мной вздрагивает от моего визга и отступает назад. — А ты стой, скотина безмозглая! — добавляю я снова на родном.

Потом мне становится стыдно — опять на Азамата кричу, еще и лошадь ни за что обругала. Показываю копытному еще печенье и отвожу руку, пока он не развернется головой в сторону лагеря. Тогда разрешаю съесть. Азамат наблюдает за моими ужимками с интересом и недоверием.

Поскольку у меня конь низкий, а у Азамата высокий, то он сидит теперь где-то там наверху, бедро на уровне моего плеча. Я кладу руку ему на коленку.

— Ты извини, что я тебе такой скандал устроила, я просто очень испугалась. А потом еще полдня переживала, где ты да не случилось ли чего.

— Лиза, ну что со мной может случиться в степи? Неужели ты думаешь, что тут есть какой-то хищный зверь, с которым бы я не справился одним ножом?

— Понятия не имею, — говорю. — Я ни зверей здешних не видела, ни как ты с ними справляешься. Да и вообще, что это за детские выходки?

Он похлопывает меня по плечу.

— Извини. Я действительно расстроился, но это недолго длилось. Просто я решил последовать твоему же совету и «не мучиться», а как следует погулять одному, послушать, посмотреть. Ну и увлекся, целую вечность ведь на воле не был. Я думал, ты будешь дуться, а ты, оказывается, волновалась... Никак мы друг друга не пойдем.

— У меня временное обострение ненависти к человечеству, — сообщаю я. — Оно пройдет — и снова будем понимать. Потерпи чуток.

Я уже открываю рот, чтобы рассказать о новом повороте событий, но Азамат вдруг сжимает мое плечо.

— Лиза, послушай. — Он очень серьезен. — Это важно. Ты так и не пообещала мне не дергать лошадь за уши. Более того, ты одна, без спросу выехала в степь на незнакомой лошади. Если уж ты сама говоришь, что испугалась, так будь осторожна! Ты себе не представляешь, как я за тебя боюсь!

И все в таком духе. Ладно, что поделаешь, переживает человек, пусть выговорится, я потерплю. Даже пообещаю ему, что не буду дергать лошадь за уши и за прочие места и сзади обходить тоже не буду. Правда, пожалуй, про беременность я пока помолчу. А то, если он узнает, что я все это сегодня проделала еще и брюхатая, он же с коня сверзится.

Когда мы подъезжаем к лагерю, у кромки вытоптанного снега нас ожидает северянин, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Хозяин! — принимается он голосить, едва мы оказываемся в зоне слышимости. — Я бы ее ни за что никуда не отпустил, но она мне ружьем пригрозила! Под прицелом велела седло принести!

— Врет, — шепчу я, криво ухмыляясь.

Азамат усмехается и гладит меня по плечу. Пастух продолжает в красках расписывать, какая я опасная, как меня даже лошади боятся, а стихии слушаются.

— Ладно уж, — отмахивается от него Азамат. — Хорошо, что отпустил, а то бы она тебя убила. Она духовника моего однажды чуть не застрелила.

Пастух, который начал было успокаиваться, что хозяин не злится, снова перепугался, отвесил мне три поясных поклона и сбежал к остальным.

— Чего ты их запугиваешь? — спрашиваю.

— Не обращай внимания, — неловко улыбается он. — Это я свой авторитет укрепляю. А то если они решат, что я просто так тебе все разрешаю, то презирают. Решат, что у меня денег не хватает на твои капризы, вот и... отдаю натурой, так сказать.

— А так они тебя будут считать укротителем тигров?

— Ну вроде того. — Он виновато опускает глаза. — Извини, но так проще, чем что-то доказывать...

Я задавливаю в себе желание закатить еще один скандал. Хватит, наругались на сегодня. В конце концов, никто меня на Муданг насильно не волок.

— Да ладно, — говорю довольно искусственным голосом. — Ты же не виноват, что они идиоты. И что все бабы у вас курицы долбанутые, тоже не виноват.

Он долго на меня смотрит, потом говорит:

— Спасибо.

Я так понимаю, за усилие над собой. Чует ведь. Как мне все-таки повезло с мужиком. И как ему не повезло с родиной.

Когда мы слезаем с лошадей, я наконец замечаю, что Азамат все это время сидел не на той буровой кобыле, которая стояла в строю рядом с моей белой, а вовсе даже на чем-то серебряном.

— Ой, — говорю. — Какая у тебя скотина, прямо металлическая. Так блестит...

— Да-а, — польщенно говорит он. — Я вот решил его и взять. Таких серебряных больше нигде не разводят, только по берегам Дола, а я всегда такого хотел. Сейчас поездил — жеребец сильный, послушный, с мозгами, да еще молодой совсем. В общем, я определился. А ты как?

— Да я вроде тоже, — киваю на свой рыжий диванчик.

Азамат хмурится.

— Ты его взять хочешь?

— Ну да, а чего? Сидеть удобно, не трясет, слушается. И не очень большой. Чего мне еще надо?

— Так это ж мерин...

— Ну так мне с ним не трахаться! — выпаливаю я.

Пастухи прыскают со смеху и долго не могут успокоиться. Азамат слегка краснеет.

— Ты полегче в выражениях, — шепчет он мне. — Женщины при мужчинах о таких вещах не говорят.

— Фи, какое лицемерие, — кривлюсь я. — А чем плохо, что мерин?

— Ну это как-то... неспортивно.

— Спасибо, спорта мне на сегодня хватило. Еще возражения есть?

Азамат вздыхает.

— Ладно, бери этого. Ребят, — он поворачивается к пастухам, которые все никак не отсмеются, — представьте коней-то.

— А ты до сих пор не знаешь, как их зовут? — удивляюсь я.

— Нет, а ты знаешь?

— Нет, так то я... Я и забыла, что у них имена бывают.

— Бывают, а как же, — кивает Азамат. — И если конь хороший, его имя охраняют как человеческое.

Наш провожатый первым отсмеялся достаточно, чтобы внятно произнести имена.

— Этот, — он указывает на Азаматов выбор, — Князь. А второй — Пудинг.

— Как?! — опешиваю я.

— Пудинг... — повторяет пастух. — А что?

Я поворачиваюсь к Азамату.

— Откуда у вас пудинг?

Азамат пару секунд на меня озадаченно смотрит, потом переспрашивает:

— А это слово для тебя что-то значит?

— Ну как, — говорю, — пирог такой... праздничный...

Они начинают ржать. Азамат трясет головой, явно умиляясь чему-то, чего я не понимаю.

— Кто говорил, что у Императора не было чувства юмора! — хохочет он. Потом наконец снисходит до того, чтобы объяснить мне, в чем дело. — Этим именем впервые наш последний Император назвал своего любимого коня, который тоже был небольшой, толстый и спокойный. Оно с тех пор так и кочует. Но никому в голову не приходило, что у этого слова есть какое-то значение! Так, звучит забавно, и все тут...

— Ясно, — ухмыляюсь я. — Я тебе испеку как-нибудь. Только это долго, там тесто должно настаиваться две недели или типа того. Зато очень сытно.

Пастухи немедленно преисполняются уважения к даме, которая, о-о-о, понимает толк в кулинарии. Чувствую, Азамат задался целью и правда выдать меня за воплощение этой их воинственной кормящей богини. Дверью шатра я уже хлопала, осталось детей наплодить. Кстати, надо ему сказать, но при пастухах как-то нехорошо, наверное...

Мы обедаем все вместе в шатре. Мне кажется, что день уже прошел: столько всего успело произойти, и я так долго ждала — хотя на самом деле сейчас всего полпятого. Еды у нас по-прежнему вагон и маленькая тележка, а ведь уже пора домой возвращаться.

— Ну что, Азамат, — говорю, — ты признаешь, что не надо было брать столько вещей?

— Я признаю, что они тебе не понадобились, — аккуратно отвечает он. — Но ведь нам ничем не помешало то, что они были с собой, правда?

Я закатываю глаза.

— Я тебе что, младенец, мне сменные пеленки с собой таскать везде? В следующий раз ничего лишнего, а то прям стыдно.

Кажется, это слово действует на него волшебным образом — он тут же серьезно соглашается и

больше не спорит. Я начинаю прикидывать, что пойдет в салон, а что в багажник, и оказываюсь перед неразрешимой проблемой.

— А как мы возьмем лошадей?

Азамат фыркает чаем.

— Уж не в багажнике, это точно. Ты что, Лиза, как мы их возьмем? Их отправят на пароме в Долхот, а оттуда монорельсом до нас. Через несколько дней приедут.

— А... тут есть монорельс? — удивляюсь я. Как-то у меня плохо укладывается в голове, как муданжцы умудряются сочетать свеженькие земные удобства с первобытнообщинным строем в головах.

— Есть, конечно. От всех больших городов к столице и кольцевой. Вот если от Долхота в Сирий ехать, то рельс проходит прямо под горами, по пещерам. Ох и красиво там... надо будет летом съездить, сейчас это направление почти не работает, весной много обвалов бывает. А если ехать на Орл, то под водой. Там прозрачный туннель прямо в толще воды, а по нему вагончики бегают. Можно на всяких морских гадов посмотреть. Красота, в общем. Да и обычный монорельс неплох. Я всегда из столицы к матери ездил, а не летал. Уж очень там леса живописные... сидишь в поезде, а по обе стороны такие деревья гигантские, почти вплотную. Иногда под вывернутым корнем проезжаешь. Те горы, что тянутся от Ахмадхота до Худула, — они самые старые на всем Муданге. И растения там тоже древние. А я в детстве обожал все древнее.

У меня аж слюнки текут, так хочется поскорее все это увидеть. Правда, неплохо бы дождаться весны, чтобы полазать по огромным корням да пощелкать цветочки — маме отправить фотки...

— Это у вас мать так далеко жила? — поражается северянин. — Это ж сколько у вашего отца денег было — ездить-то из столицы в Худул?

— Да он нечасто ездил, — смущается Азамат. — Но вообще, с деньгами у него было слава богам... — Азамат мнетя, стараясь отойти от скользкой темы. — А мать, наверное, до сих пор жива. Она очень рано меня родила, да и если бы умерла, мне бы сказали.

— А она знает, что ты вернулся? — спрашиваю тихонько.

Он пожимает плечами.

— Вряд ли. Кто бы ей сказал?

— А ты сам?

— Я не говорил.

Я потерянно моргаю.

— Ты ей вообще давно последний раз звонил?

Он на меня странно смотрит.

— Я не уверен, что у нее есть телефон.

До меня начинает постепенно доходить.

— А ты... в принципе, когда с ней общался?

— До того как... — Он неопределенно взмахивает рукой в районе лица.

— А она вообще знает, что ты жив-то? — похолодев, спрашиваю я.

Он слегка приподнимает брови.

— Ну ей сказали, на что я стал похож. Вряд ли ей очень хочется на меня смотреть.

— Это ты так думаешь или она сама так сказала? — продолжаю допытываться я. Мы уже давно перешли на всеобщий, так что пастухи только переглядываются и недоумевают, о чем это мы.

— Я так думаю, — вздыхает он. — Ну ты сама посуди, если уж отец...

— Я совершенно не вижу тут связи. Или ты считаешь, что его кретинизм передается половым путем?

Азамат смотрит на меня с убийственной укоризной.

— Я просто хочу сказать, — поясняю я, — что твоя мать еще имеет шанс оказаться хорошим человеком. Во всяком случае, я бы не стала так категорично ее клеймить.

— Естественно, она хороший человек! — взвизгивается Азамат. — Она прекрасный человек, я ее очень люблю!

— Тогда какого ж черта ты ее игнорируешь? Ты поставь себя на ее место — она узнаёт, что ты ранен, а потом семь лет ни слуху ни духу! Семь долгих мударжских лет! Тебе не стыдно, вообще?

— Да на какого шакала я ей сдался?!

— Азамат, она *твоя мать!* Даже мударжская мать не может просто так наплевать на своего ребенка, не выродки же вы все тут, в самом деле!

Он еще плечами пожимает — ну в чем тут можно быть не уверенным?!

— Отец же смог.

— Так то отец! Он тебя не рожал! А материнский инстинкт никакая внешность не спугнет!

— Ну хорошо, — перебивает меня Азамат повышенным голосом. — И что ты теперь предлагаешь? Семь лет уже прошло, их не вернуть.

— Во-первых, выясни ее телефон и позвони.

— И что я ей скажу?

Пастухи поняли, что с ними больше никто разговаривать не собирается, и начинают расползаться по своим шатрам.

— Во-первых, что ты жив и здоров. Во-вторых, спросишь, как она сама, здорова ли, не нужно ли ей чего. А там уж смотря что ответит.

— Ладно, — вздыхает он и не двигается с места.

— Ну и чего ты сидишь? Звони уже!

— Что, сейчас, что ли?

— А почему нет?

Он, не сводя с меня оторопелого взгляда, достает телефон и несколько расслабляется.

— Сети нет.

Состроив ехидную улыбочку, я протягиваю ему хвост от пистолетика. Не отвертись, дорогой.

Звонит он брату. Тот долго вообще не может понять, что и зачем от него требуется. Видимо, тоже давненько с матушкой не общался. Наконец Азамат говорит «понятно» и прощается.

— Она теперь живет не в Худуле, а в деревеньке на побережье, и связи там практически нет. Арон ее номера не знает, но даже если бы знал, все равно вряд ли удалось бы дозвониться.

— Ясно, — вздыхаю я. — А название деревни он сказал?

— Да...

— А найти ее ты сможешь?

— Ну да, а что ты...

— Я предлагаю прямо сейчас туда полететь.

— Лиза, это часов семь отсюда!

— Заодно поучишь меня управлять унгуцем. А то я сегодня чуть не рехнулась, как тебя искать да как выбираться, если с тобой что случится, не дай бог.

— Лиза, но я со всеми договорился, что завтра уже буду дома!

— Вечером будешь.

— Но тренировка!

— Ну вот что. Я понимаю, что ты ухватишься за что угодно, чтобы только не навещать маму. Так что я тебе повышу мотивацию. Есть кое-что, чего ты обо мне не знаешь, хотя очень хотел бы узнать. Пожалуй, когда узнаешь, это перевернет всю твою жизнь. Но пока ты не наведишь маму, я тебе ничего не скажу.

Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Ты все-таки имеешь какое-то отношение к Укун-Тингир?

Я приподнимаю брови и безжалостно отчеканиваю:

— Не ска-жу.

Он изучает меня еще с минуту, потом встает, проходится по шатру. Потом берется за телефон и выбирает контакт.

— Алтонгирел? Слушай, я задержусь еще на день. Предупреди всех, чтобы зря не ездили...

Управлять унгуцем несложно, если рядом сидит Азамат и доходчиво объясняет, какой рычажок для чего. Оказывается, что добрая половина всех значков на панели не имеют никакого отношения к управлению, а вовсе даже являются охранными символами, типа как у нас народ иконы, могоидовиды и нэцке по кабине расклеивает. Вокруг навигатора символы богов-погодников, на рулевом рычаге обереги от невнимательности, на контроле взлета и посадки молитва богу гостеприимства. Впрочем, после предварительного ликбеза, успешного взлета и получаса полета я вполне овладеваю управлением и без подсказок. Погода по-прежнему хорошая, ведет меня внятный и правдивый электронный навигатор, Азамат тихо скрипит зубами на соседнем сиденье.

— А твоя мама любит рыбу? — внезапно спрашивает он меня.

— Терпеть не может, — озадаченно отвечаю я. — А что?

— Да так... — отмахивается он. Потом, помолчав, снова спрашивает: — А волосы она длинные носит?

— Ты же видел фотки.

— Ну мало ли...

— Недлинные, как у меня примерно.

— Ясно. А...

— Азамат, если ты этими расспросами пытаешься выморщить из меня ответ на свой вопрос, то можешь не надеяться.

Он разоблаченно вздыхает.

— Ты можешь мне хотя бы объяснить, зачем тебе непременно надо, чтобы я встретился с матерью? Ты ведь понимаешь, что у вас принято поддерживать более близкие отношения с родственниками, чем у нас.

— Если бы мы были на Земле и ты такое отчудил, я бы вообще не знала, что и думать. Понимаешь, я ведь не заставляю тебя с ней общаться постоянно. Я знаю, какие бывают пожилые люди неприятные, у меня для этого бабушка есть. Просто я думаю, что она

заслуживает знать, что с ее сыном все в порядке, ведь это каждой матери важно. Она-то от тебя не отрекалась.

— Нет, — задумчиво соглашается он, — не отрекалась. Но и не приехала из Худула, когда я был ранен.

— А ей сразу сказали?

— Ей и отцу сказали одновременно. Не совсем сразу, но быстро... Кстати, помнится, ты очень резко высказывалась обо всех моих друзьях, которые за меня не вступились. А ведь она тоже не вступилась. И что ты об этом думаешь?

— Я не знаю, — тихо говорю я. — Если бы я знала, что она за человек, у меня могли бы быть предположения...

— Но ты не набрасываешься на нее с руганью, хотя она поступила точно так же, как все?

Я кошусь на Азамата. Он явно нервничает, но гнет свою линию. Это, в общем, хорошо, если он наконец начинает осознавать, что не заслужил своего изгнания. Однако с матушкой и правда что-то не так. Женщины у них странные, конечно, но чтобы вот так бросить свое чадо? Может, она пыталась повлиять на отца, только Азамат об этом не знает?

— Я не верю, что она совсем ничего не пыталась сделать для тебя. И пока я ее своими глазами не увижу и своими ушами не услышу от нее, что ей неинтересна твоя судьба, я не поверю.

Он пожимает плечами, а потом вдруг нагибается и целует меня в макушку.

— Мне очень хочется надеяться, что ты права, — тихо говорит он. — Раньше я всегда думал, что мать меня любит. А потом вдруг оказалось, что я этого не заслуживаю. А когда появилась ты, все снова повернулось с ног на голову, и теперь получается, что я вроде как ни в чем не виноват, а она... В общем, наверное, я просто боюсь. Я в молодости все похвалялся тем, что ничего не боюсь, а Унгуц мне всегда говорил, мол, придет и твое время бояться, и вовсе не там, где ты ждешь.

Кажется, я тут уже лишняя. В те редкие моменты, когда Азамат принимается анализировать свои чувства, он почему-то обязательно делает это вслух, хотя может напрочь забыть, что я нахожусь рядом и все слышу. Иногда это бывает забавно. Например, когда он только начал вести тренировки, я регулярно заставляла его расхаживающим по комнате и рассказывающим самому себе, какими словами он про себя называет те или иные ситуации во время боя и как их лучше классифицировать, — а потом он удивлялся, откуда это я так хорошо разбираюсь в происходящем «на ринге», не сошел же он с ума, чтобы женщину грузить боевыми стратегиями.

За этим бормотанием он благополучно засыпает. Вот и славно, а то ведь он прошлой ночью не отдохнул почти.

Степь под нами тем временем переходит в невысокие горы, поросшие каким-то странным лесом. Видимо, тем самым, где под корнями деревьев поезд может пройти. Во всяком случае, кроны весьма внушительные, и я не взялась бы сказать, широколиственные они или хвойные. Наверное, и правда что-то безумно древнее, а то и вовсе неземное.

Слева от гор и до самого моря тянутся смешанные леса. Навигатор мне пиликает, что надо сворачивать к западу, но только после того как позади останется река, а то над ней какие-то завихрения. Над горами все вполне спокойно, они действительно невысокие. Я тихонько включаю музыку и с удовольствием обзираю величественные муданжские пейзажи под мерное сопение рядом.

Азамат просыпается, когда на горизонте уже чернеют высоченные северные горы на фоне еще не совсем черного неба. Сквозь прозрачную крышу видно столько звезд, что чувствуешь себя внутри какого-то ювелирного изделия с бриллиантами.

— Я уже собиралась тебя будить, — говорю. — А то темнотища, да и лететь уже недалеко осталось, насколько я понимаю.

Он протирает сонные глаза, заливает в себя пол-литра кофе и углубляется в навигацию. Включает инфракрасный экран на лобовом стекле, чтобы все было видно, выискивает по навигатору точное расположение деревушки, в которую нам надо.

Худул остается по правому борту ярким букетиком огней. Мне кажется, он раза в три меньше Ахмадхота. Поднимается ветер с океана, и мы начинаем снижаться куда-то во тьму, к подножию гор, на побережье бескрайней древней воды.

— Как же это ее так далеко занесло? — спрашиваю я, когда мы выбираемся из унгуца.

Азамат сказал, что, когда являешься без приглашения, транспорт надо оставлять за чертой деревни, чтобы не смущать соседей, так что мы сели в леске на пологом склоне, а теперь пешком по дороге идем в село.

— А она где-то в этих местах и родилась в семье рыбаков. Имя-то у нее гласное, но вообще она... как бы это сказать... ничего особенного. Не столичная, даже не городская, не богатая, не очень красивая. Когда отец стал ухаживать, в семье очень удивились. Ну и она быстренько предложила пожениться, пока он не передумал. Он, конечно, был сильно старше, но зато красавец, великий охотник и Непобедимый Исполин, Рожденный в Седле — это титул победителя конных соревнований.

— Понятно, — говорю. — То есть он взял себе девочку с улицы, чтобы сэкономить на ухаживании, а потом она ему слова поперек сказать не смела. Похвально, что и говорить.

— У нас... принято с большим уважением говорить о родителях, — после паузы произносит Азамат и резко меняет тему: — Алтонгирел мне напомнил, что тебе надо строить дом. Ты по дороге никакое местечко не присмотрела?

У меня встает дыбом шерсть на загривке. Алтонгирел еще вечером после свадьбы строго указал, что Азамат должен мне построить отдельный дом где-нибудь подальше от столицы, чтобы я не путалась под ногами и все видели, как он богат. Мне, понятное дело, совершенно не нравился такой расклад. Я хочу жить с мужем и в городе, потому что там есть работа. Пусть сейчас народ пока меня не воспринимает как целителя, но ведь привыкнут же они когда-нибудь! Да и мои занятия с целителем и Оривой прекращать совершенно не хочется. Особенно теперь, когда мне самой скоро понадобится профессиональная помощь. Короче говоря, теперь каждая моя встреча с Алтонгирелом оканчивается ссорой на почве жилищного вопроса.

— Я, кажется, уже неоднократно и весьма однозначно заявляла, что не собираюсь никуда от тебя съезжать. Я живу на Муданге только для того, чтобы быть рядом с тобой. А если тебя рядом нет, то с тем же успехом можно вернуться на Землю.

Азамат вздрагивает и чуть не роняет термопак, в котором остались еще две кулебяки и какие-то фрукты.

— Я тебя понял, — мрачно говорит он.

Мы в молчании подходим к деревне и звоним в первую же калитку. Азамат надвигает капюшон в надежде, что хозяева не разглядят его в темноте. То ли в этом доме живет семья

побогаче среднего, то ли просто потому что край деревни, в общем, нам отвечают по домофону, что сильно облегчает жизнь и им, и нам. Азамат быстро спрашивает, где живет «жена Долгого Охотника». Ему быстро объясняют, как пройти. Я ничегошеньки не понимаю в этом указании, потому что северный акцент у хозяина дома уж очень жестокий, да половина сказанных слов — какие-то местные ориентиры, которые я себе даже представить не могу. На Муданге я часто чувствую себя абсолютно беспомощной.

Азамат, однако, легко находит дорогу, и вот уже мы стоим перед высоким и частым деревянным забором с выразительно выструганными копиями по верху.

Азамат поглубже вдыхает и дергает шнурок звонка.

Очень, очень, невыносимо долго никто не отзывается на звонок. Азамат уже успевает четыре раза заверить меня, что мать не слышит или не выходит принципиально, что уже поздно, она наверняка спит, а если и не спит, то шакал знает кому не откроет посреди ночи... Да и если она придет и выслушает наши сбивчивые объяснения и — что еще менее вероятно — поверит нам, то все равно совершенно необязательно откроет дверь. Она, дескать, запросто может предпочесть помнить сына молодым, красивым и героически погибшим, а не живым уродом. И все в таком духе. Я в ответ довольно ядовито обращаю его внимание на то, что ночевать нам все равно негде, разве только в унгуце, но Азамат не поместится поперек сидений, даже если его вдвое сложить. А судя по общей приветливости этого дивного местечка, никто нас с распростертыми объятиями в свой дом не пустит, даже за деньги.

Местечко и правда живописное. Деревенька в одну улицу, по обеим сторонам которой реденько понатыканы деревянные дома. Пока мы ждем, Азамат успевает объяснить, что они тоже саманные, но обшиты деревом снаружи и изнутри, потому что здесь, на севере, холодно, а от мороза саман часто трескается. С обеих сторон от деревни с гор спускаются две мелкие, громко журчащие речки, надо думать ледяные. Они впадают непосредственно в океан Гэй, окружающий муданжский единственный материк со всех сторон. Уже взошла Вторая луна, и в ее свете видно, как перекатываются холодные, бледные волны, шелестя и фыркающая под крутым берегом.

Азамат прислонился плечом и головой к забору и бездумно водит пальцем в перчатке по краю калитки — вверх-вниз. Я снова дергаю за шнурок. Наверное, и правда не стоило его сюда тащить на ночь глядя. Где мы, действительно, будем спать? Придется лететь домой, и Азамат, конечно, сядет за руль. За нашу безопасность я не переживаю, Азамат вполне способен соображать и с большего недосыпа, но я хочу, чтобы он нормально отдыхал, а не водил по ночам самолеты.

И тут мы слышим скрип входной двери. Переглядываемся.

— Это наша? — спрашиваю я довольно бессмысленно.

— Кажется, да, — отвечает Азамат, прислушиваясь. Если поначалу он еще нервничал, подбирая слова и спрашивал меня, что мы будем делать, если она не захочет с нами разговаривать, то теперь все движения его души, как и моей, обращены в надежду, что она уже наконец выйдет к калитке!

Мы слышим скрип шагов по снегу. Они медленные, но довольно уверенные. А то я еще побаивалась — вдруг она болеет и ходит с трудом? А мы ее тут выдергиваем из постели посреди ночи... Шаги замирают у самой калитки.

— Кто? — вопрошает хриловатый старушечий голос. По земным меркам она, конечно, в весьма почтенном возрасте, но по муданжским-то ей всего пятьдесят пять, как утверждает Азамат.

— Ма, это Азамат, — неровно произносит он заветные слова.

За калиткой воцаряется озадаченное молчание. Я стискиваю руку Азамата, не занятую термопаком. Из-за калитки доносится невнятный шепот, мы переглядываемся, но ничего не разбираем. Наконец «ма» решает продолжить разговор, хотя и намного тише, как будто боится, что кто-то подслушает:

— Отец-то знает, что ты тут?

Мы снова переглядываемся.

— Он знает, что я на Муданге, — аккуратно отвечает Азамат. — Но мы не разговаривали.

Там снова повисает молчание.

— Так тебе, что ли, можно тут быть? — выдает следующий вопрос моя загадочная свекровь.

Азамат, однако, светлеет лицом.

— Да! Ма, я женился и теперь снова могу тут жить.

За калиткой слышен вздох, но чем он вызван?

— Ну ладно, — неуверенно говорит наша старушка. — И чего тебе тут занудобилось?

Азамат на секунду теряется, а потом принимается быстро говорить, явно сам удивляясь, откуда это взялось:

— Понимаешь, моя жена с Земли, а у них принято знакомиться со всеми родственниками. Ну и мы тут были, э-э, не очень далеко, вот и решили зайти к тебе. Ты извини, что так поздно...

Я смотрю на Азамата вытаращенными глазами. Нет, я, конечно, говорила ему, что моя мама им интересовалась и что на всякие праздники у нас принято собирать родню, но сегодня я точно не говорила ничего о том, что мне надо познакомиться с его матерью из-за каких-то традиций. Впрочем, Азамат удивлен собственными словами не меньше, чем я. Видимо, просто так и не решился сказать, что соскучился по матери. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

— Ох ты ж... — бормочет мать. — Так она там с тобой, что ли?

— Да. — Азамат кивает, как будто собеседница может его видеть, а потом быстро добавляет: — И она понимает по-муданжски.

Мать снова охает.

— Чего ж вы не предупредили?

— Ма, мы живем в Ахмадхоте. Далековато ездить, чтобы предупредить. А телефона твоего даже Арон не знает.

Кажется, Азамат начинает расслабляться. Он уже говорит нормальным голосом и, видимо, чувствует себя увереннее.

— Да ему-то зачем... — ворчит мать за своей калиткой.

Интересно, она из каких-то соображений все еще не открыла дверь или просто растерялась?

По ту сторону снова повисает тишина, так что Азамат не выдерживает и окликает родительницу:

— Ма? Ты там еще?

Вместо ответа мы слышим лязг щеколды, калитка открывается.

Ма оказывается практически с меня ростом. Маленькая сутулая старушка в такой же длинной сплошной шубе, какие были у пастухов. Из-под капюшона белеет косынка, а лица в темноте не разобрать.

Азамат неожиданно сдавливая мою руку и прижимается крепче к забору. Испугался, что сейчас она его разглядит, что ли? Чувствую, надо перехватывать инициативу в свои руки.

— Здравствуйте! — говорю я жизнерадостно, изобразив на лице придурковато-счастливую улыбку. — Очень рада видеть вас в добром здравии, *имигчи-хон!*

Я величаю ее *имигчи*, что значит примерно «уважаемая матушка». Так обращаются к

старшей замужней женщине, если она выше по социальному положению или особенно многодетна. *Хон* — это обычная дань вежливости, «госпожа» или «господин». Я понимаю, что, согласно муданжским представлениям, она ниже меня по положению, потому что, собственно, земляне всегда выше всех, но надо же польстить бабушке...

— Ох, здрасте... — мямлит она, совершенно растерявшись.

Вот и чудненько. Я немедленно набрасываюсь на нее с объятиями, пользуясь этим, чтобы шагнуть за калитку.

— Мне так важно с вами познакомиться, — тараторю я. — У нас на Земле принято знакомиться с родителями мужа еще до свадьбы, чтобы получить их одобрение, но, увы, мы с Азаматом никак не могли навестить вас до свадьбы, и это меня очень расстроило!

Кажется, ошибок я нагородила вагон и маленькую тележку. Интересно, сколько процентов она понимает из моей восторженной болтовни.

— Ох, — снова говорит несчастная старушка. — Вас же в дом пригласить надо, а у меня там не прибрано....

Я на это быстро и безграмотно отвечаю в том смысле, что дом матери всегда прекрасен, в каком бы состоянии он ни пребывал, и что я девушка со скромными запросами, и что раз уж мы без объявления прибыли, то и в мыслях не имеем требовать порядка в доме. После этой тирады я тайком кошусь на Азамата, который обошел нас сбоку, чтобы стоять против света. Он закрывает рот рукой — жест, у муданжцев означающий «ну ты и заливаешь!».

Матушка, однако, поддается на мои косноязычные уговоры и, закрыв калитку обратно на щеколду, ведет нас к дому по скрипящей тропинке.

— А про одобрение родителей — это правда? — шепотом спрашивает у меня Азамат на всеобщем.

— Была когда-то, — так же отвечаю я.

Мы поднимаемся по слегка присыпанному снегом крыльцу, при этом я подаю бабуле руку для опоры, чем, кажется, окончательно ее добиваю. Она нервно хихикает и заваливает меня комплиментами, из которых я понимаю хорошо если треть. Впрочем, это не так важно, лишь бы она пока не задумывалась о внешности Азамата. Когда мы войдем в дом да сядем за стол в тепле и при свете, ей придется хотя бы сделать вид, что она рада видеть сына, иначе будет уж совсем неловко. А вот с порога еще может и прогнать. Я, конечно, все еще плохо понимаю устройство загадочной муданжской, а тем более женской души. Но ведь все мы, черт возьми, одни и те же обезьяны!

Сквозь тугую дверь в темные сени (почему-то именно так мне хочется назвать это место), оттуда через другую тугую дверь — на кухню. Ну вот, опасная зона позади. Теперь надо быстренько тут окопаться.

Кухня вся так и пылает желто-оранжевым светом дешевых самодельных ламп, созданием которых подрабатывают подростки, учащиеся на инженеров. Бок печки, выступающий из правой стены, пышет жаром. Мне хватает секунды, чтобы спрогнозировать тепловой удар, так что я стремительно принимаюсь раздеваться. Азамат еще колеблется — ему волю дай, так бы и остался в капюшоне. Я выразительно показываю ему кулак.

Матушка тоже стягивает через голову свою шубу и остается в самодельном, но невышитом халате, мешковатых женских штанах и белой косынке, из-под которой торчит хвостик короткой косички. Она выглядит совсем старенькой и сморщенной, хотя по земным меркам ей всего около ста. У нас в этом возрасте женщина еще женщина, а не коряга. Впрочем, непохоже, чтобы Азаматова мать особенно следила за собой. Да и подтяжку тут не

сделать...

— У меня ж ничего нет на стол поставить, — принимается причитать она. — Только рыба одна вчерашняя, да ты такую и не станешь есть небось...

— А у нас все с собой! — радостно возвещаю я, извлекая из термопака фрукты и ставя пироги на подогрев. Хорошо все-таки, что я их так много напекла. Впрочем, при наличии техники, которая сама все режет и перемешивает, уж кулебяки-то можно пластать хоть сотнями.

Матушка до сих пор стояла к нам спиной, оглядывая свое жилище в поисках еды, а тут наконец обернулась. Азамат тут же шагнул в тень, но мог и не напрягаться — я благополучно перетянула на себя все внимание почтенной родственницы.

— О-о-ой, — медленно выдохнула она. — Какая беленькая... Как из сказки! Боги, да кто ж тебе позволил ночью зимой по лесам тут шастать? Азамат, куда ж ты смотришь?

Азамат только пригибает голову, чтобы выбившиеся из косы пряди прикрыли обзор. Я отвечаю вместо него.

— Зима тоже белая, — говорю. — А как мороз стукнет, никому мало не покажется. Вы по внешности-то не судите.

— Хе-хе! — восклицает она как-то пронзительно и снова осматривает меня с ног до головы. — Чудно говоришь!

Тут термопак сообщает, что все разогрелось, так что я принимаюсь выгружать на стол горячие пироги, попутно объясняя, что это сделано из теста по земному рецепту, да, я готовила, а вообще у нас традиция в гости ходить с угощением, особенно если издалека. Бабушка не знает, чему больше поражаться — моим пирогам или фруктам посреди зимы.

Из мемуаров Хотон-хон

Сельскохозяйственные культуры на Муданге круглый год можно выращивать только в экваториальной зоне. Уже даже в Ахмадхоте зимой плодоносят процентов пятнадцать съедобных растений. А торговля с регионами налажена плохо. Точнее, совсем не налажена. Однако дело не в том, что муданжцы такие неорганизованные, а в том, что завоеватели-джингоши приспособились устраивать досмотр всем видам грузового наземного транспорта и забирать себе деликатесы. А летательные аппараты типа «унгуц» имеют принципиально ограниченную грузоподъемность, так что перевозить на них овощи и фрукты оказывается неприбыльным делом, да и сами «унгуцы» довольно дороги и доступны далеко не всем фермерам и торговцам.

Матушка суетится, расспрашивает меня, какой чай лучше заварить, откапывает по закрамам всякие сласти (кстати, вполне свежие и в таких количествах, что ими одними можно было бы поужинать). Я стараюсь принять посильное участие в сервировке стола. Наконец стол накрыт, пиалы расставлены, огромный глиняный чайник водружен посередине, вокруг него наши гостинцы. Меня она пытается усадить на почетное место, но я многословно заверяю ее, что это она, как мать и хозяйка, должна его занять, а мы, молодые, лучше на диванчике.

И вот мы усаживаемся: матушка во главе стола, а мы по длинной стороне справа от нее, причем сначала я, а потом Азамат. Таким образом, она видит только его левый профиль, на котором почти нет шрамов.

Мы изрядно проголодались за время полета, так что набрасываемся на пироги без

раздумий. Матушка жевертит в руках какую-то очередную разновидность хурмы, которые так многочисленны на этой планете, и бормочет:

— Надо же, посреди зимы... Это ж сколько денег! — Она наконец обращается к Азамату: — Потерпел бы уж, скоро снег стает, тогда и фрукты покупать, а то одна растрата!

Азамат удивленно сглатывает.

— Ма, я сейчас богаче, чем был отец, когда на тебе женился. Уж на корзинке фруктов не разорюсь!

— Да ты что! — ахает она. — Это ты на чужбине так заработал?

Во всяком случае, я предполагаю, что это неприязненное слово, которое она сказала, означает «чужбина». Мне забавно, как Азамат к ней обращается, это его «ма». Это и правда первый слог слова «мать», но по-муданжски он звучит как эх, так что на мой слух получается довольно смешно. На курсах нам ничего про такое обращение не говорили, да и за этот месяц я такого ни разу не слышала. То ли очередная северная черта, то ли вовсе Азаматово личное изобретение.

Пока я обо всем этом думаю и жую, Азамат рассказывает про наемничью жизнь, долго и подробно. Про то, как он участвовал во Второй джингошской кампании и как потом после виртуального заседания главнокомандующих через экран нетбука с ним чокался бокалом маршал Ваткин. Про разные народы, населяющие другие планеты, про книги, которые он прочел, и науки, которые изучил (оказывается, этот потрясающий человек закончил онлайн-курсы по экономике, юриспруденции, физике и химии вдобавок к двум муданжским образованиям). Матушка слушает, в прямом смысле открыв рот, только изредка кладет в него дольку хурмы или какую-нибудь ягоду. Мы сидим так полночи, слушая спокойный и размеренный голос Азамата, который на самых низких нотах больше похож на звук бас-гитары, чем на человеческий голос. Потом он рассказывает, как я попала к нему на корабль и как стала его женой. Кажется, об этом он еще никому не рассказывал. В его исполнении все выглядит несколько иначе, чем я думала. Оказывается, он собирался надолго припарковаться на Гарнете, если я решу там обосноваться, и даже рассматривал вариант рвануть вслед за мной на Землю, хотя, собственно говоря, не надеялся, что ему что-то обломится. Еще он очень боялся за Алтонгирела и был твердо уверен, что я несчастного духовника обязательно убью, не в этот раз, так в следующий. Вообще, он как-то слишком всерьез и за чистую монету воспринимал все мои угрозы и намеки и долго искал хоть какую-нибудь литературу, в которой бы объяснялось, почему я веду себя совсем не так, как прочие знакомые ему женщины, и хорошо это или плохо. Поскольку сравнительный культурный анализ землян с муданжцами еще никто не проводил, нашел он, понятно, немного...

— А где ты ее поселил? — спрашивает матушка, кивая в подтверждение разговора.

— Да пока там же, в столице, — отвечает Азамат и робко косится на меня, дескать, не выдай.

— У вас такой чудесный сын, — говорю я, — что я от него никуда уезжать не хочу.

— Ну... — она пожимает плечами, — это, знаешь, мало ли чего ты хочешь... Ты, конечно, важная особа, но надо же и о муже подумать. Его ведь посчитают жадиной, если он тебе при таком богатстве не сможет где-нибудь на другом конце материка дом построить.

Пожалуй, в таком раскладе мне это еще никто не представлял.

— Правда, что ли? — уточняю я у Азамата.

Он опускает глаза.

— Вообще-то да.

— Так бы сразу и сказал. — Я пожимаю плечами. — Если это тебе для репутации надо, то строй, пожалуйста.

— Серьезно? — Он оживляется. — А где бы ты хотела?

— Да хоть там же, на берегу Дола. Где лес и горы, и вода близко. Красивое место, почему бы и нет. Все равно ведь будешь лошадей своих навещать.

— Каких лошадей? — не понимает мать, и мы ей радостно рассказываем, как Азамат в очередной раз победил в соревнованиях и как я напугала пастухов.

Мать почему-то тяжело вздыхает, а потом говорит:

— Какой же ты славный у меня. Точно как наш духовник говорил, вся благодать на тебя ушла, на Арона ничего не осталось. И надо ж такой беде приключиться.

Она замолкает, Азамат нервно сглатывает. Надо как-то разрядить обстановку.

— Ну ничего, — говорю. — Теперь-то все хорошо. Мы счастливо живем, Азамата все уважают...

Она кивает с рассеянным видом, явно думая о чем-то своем.

— Я думала, ты не захочешь, чтоб тебя таким видели. Арават бы точно не захотел, а вы же с ним как из одной кудели спрядены. А когда узнала, что он сделал... собрала манатки, что из родительского дома сохранились, да и ушла из его дома. Какого, говорю, шакала мне нужны эти его деньги, если он у меня ребенка отобрал?

Глаза у нее слезятся, и я на автопилоте кидаюсь ее обнимать и утешать и только потом замечаю, что Азамат, собственно, в нелучшем состоянии. Матушка вдруг ловко протискивается между мной и столом и проталкивается поближе к Азамату.

— Дай хоть я на тебя посмотрю, милый ты мой. Мне ведь такого наговорили... я думала, ты и работать не сможешь после этого.

Азамат послушно поворачивается и убирает с лица растрепанные волосы. Матушка судорожно вздыхает, но все же находит в себе силы погладить его по изувеченной щеке, а потом порывисто обнимает его, утыкаясь лицом в красный свитер, и долго плачет, приговаривая «ничего, ничего». Азамат осторожно, бережно гладит ее по спине, поднимает на меня взгляд и влажно улыбается. Я улыбаюсь в ответ.

Пока мать и сын обмениваются сантиментами, я завариваю еще чаю и совершаю вылазку до унгуца и обратно, чтобы взять одежду и всякую дребедень. Все-таки спать когда-то надо. Возвращаюсь как раз вовремя — Азамат уже начинает задаваться вопросом, куда я делась.

— Ох, где ж вас положить-то? — снова начинает причитать матушка. — У меня и комната ведь всего одна, и кровать...

— На печке, — тут же предлагает Азамат.

— Ну это я супругу твою на печку положу, а тебя-то куда?

— А мы там вдвоем не поместимся? — интересуюсь я, вспоминая что-то из древних сказок. Вроде бы если на печке можно спать, то она реально большая должна быть...

— Да вы что! — всплескивает руками матушка, но Азамат уже заглянул в комнату.

— Поместимся, — рапортует он. — Ты, ма, не переживай, мы привыкли рядышком спать.

Ма еще долго не может примириться с таким аскетизмом, но поскольку других спальных мест все равно нет, то и возразить ей нечего. Потом я требую мыться, и Азамат по указанию матери притаскивает из сеней бочку, в которую мне наливают теплой воды. Муданжцы вообще народ чистоплотный, но идея мыться проточной водой дальше столицы

пока не ушла. Азамата я, естественно, тоже загоняю освежиться, а потом, уже на печке, натираю своим «земным снадобьем», как называет его матушка (ей приходится объяснить, чем это вдруг запахло).

— Целительница? — пораженно переспрашивает она со своей кровати из-за печной занавески. — С ума сойти, слово-то какое! Я его только в песнях о белой богине и слышала.

— А что, она тоже целительница? — интересуюсь я, с усилием втирая крем в просторы Азаматова торса.

— Да, она может наделить человека целебной силой, — расслабленно отвечает он и вдруг только что не подскакивает. — Лиза! А ты ведь мне кое-что обещала!

Я хитро улыбаюсь.

— Ну да, было дело.

— И?

— А при маме можно? — шепотом спрашиваю я на всеобщем.

— Да уж говори скорее! — отмахивается он.

— Я беременна.

Он резко садится и, естественно, впечатывается лбом в потолок, не рассчитанный на такие габариты. Хватается за голову и шипит. Мне это живо напоминает какую-то дурацкую комедию, и я покатываюсь со смеху, изо всех сил пытаюсь сдержаться, чтобы его не обидеть, и от этого хохоча еще заливистой.

— Вы чего там? — спрашивает снизу матушка. Причину членовредительства она не поняла, потому что я говорила на всеобщем.

— Все в порядке, — говорю, давясь смехом, — только потолок тут низковат.

Азамат тем временем несколько приходит в себя и снова ложится навзничь, потирая лоб. Я легонько поглаживаю его по пострадавшей части тела.

— Так это была шутка? — жалобно спрашивает он.

— Нет, только не подсакивай снова, — покатываюсь я, придерживая его за плечико.

Он долго молчит, так что я решаю, что он и не собирается никак комментировать новость.

— Ты уверена? — наконец уточняет он.

— Солнце, если бы я не была уверена, я бы не стала тебе говорить. Сегодня утром делала тест, он показал недельную давность.

— Тогда еще можно долететь до Гарнета, — облегченно говорит он.

— Зачем? — не понимаю я. Рожать еще рано, мягко говоря...

— Ну ты, как мне показалось, целителю не сильно доверяешь.

А, так он хочет, чтобы меня кто-то наблюдал?

— Я зато себе доверяю, — говорю. — А к тому времени, как рожать надо будет, я Ориву доучу. Не сидеть же нам на Гарнете девять месяцев, в самом деле.

Азамат внезапно с видом чрезвычайной заинтересованности поворачивается на бок и нависает надо мной.

— Так ты собираешься рожать?! — спрашивает он шепотом.

Я хлопаю глазами.

— А что, есть какие-то неблагоприятные для этого обстоятельства? Чего ждать-то, если уж залетела?

Он рухает обратно с таким счастливым видом, что уже граничит с безумным, сплетает пальцы и принимается тараторить нечто в стихах, что я определяю как *гуйхалах* за мое здоровье.

— Лизонька, — выдыхает он наконец, — если бы у меня только были слова! Я знаю столько слов, столько томов прочел на двух языках, а сказать о своем счастье ничего не могу... — Он снова поворачивается (уже все одеяла узлом завязал) и утыкается лбом мне в висок. — Может, если я как следует подумаю, ты услышишь? Ты ведь всегда *чувствуешь* меня.

Я снова не могу сдержать хихиканье, хотя оно происходит скорее от умиления, чем от юмора. Ладно, по крайней мере, он не упал с печки, не попытался мне заплатить и не выдумал себе повода для расстройства. Правда, на время родов я его, пожалуй, привяжу к кровати под наблюдением пяти-шести телохранителей, а то что-то стремно немного... А еще меня волнует, что ему станет советовать проклятый духовник...

— Слушай, Азамат, — говорю, не поворачивая головы.

— Мм?

— Не говори пока Алтонгирелу.

Он опять приподнимается на локте. Вот же активность напала на ночь глядя.

— Как же? Он ведь наш духовник, он должен знать... Да и все равно поймет.

— Давай проясним этот вопрос. Он *твой* духовник, а не мой. Вот станет пузо заметно, тогда скажем. А пока я еще жить хочу. Кстати, учти, что у меня в ближайшее время сильно испортится характер. Сегодня утром ты уже видел, в чем это выражается. Так что ради Алтонгирелова собственного блага, пожалуйста, не говори ему пока.

Азамат тяжело вздыхает, но соглашается.

— Ладно, понял... Но вообще, если уж он тебя так раздражает, тебе надо другого духовника себе выбрать, чтобы с ним советоваться, а то не дело это.

— Ну вот познакомлюсь с кем-нибудь вменяемым... — вяло соглашаюсь я. Главное, мы пришли к компромиссу.

— Что вы там все шушукаетесь? — доносится снизу голос матушки. — Легли спать, так спите уже.

— Так точно, командир! — говорим мы неожиданно хором, хохочем и блаженно отрубаемся.

Утро у нас весьма позднее — заснули-то часам к шести, не раньше. Впрочем, у меня оно, конечно, гораздо позднее, чем у остальных членов семьи. Сквозь неглубокий сон уже засветло я слышу стук топора, льющуюся воду, еще какой-то скрип и возню. Очевидно, Азамат помогает по хозяйству. Идентифицировав звуки как безопасные, я удовлетворенно поворачиваюсь на бок, стекаю в нагретую Азаматом ямку в матрасе и уплываю в сон еще часа на четыре.

Сползаю с печки я только на запах обеда, поскольку желудок принимается категорически требовать наполнения. Я долго ищу тапочки около печки, все это время через полуоткрытую дверь наблюдая общественную жизнь на кухне. Азамат с энтузиазмом жарит расстегаи с какой-то некрупной рыбкой, матушка смешивает пряно пахнущий соус.

— Так и сказала? — пораженно говорит матушка. Видимо, Азамат опять ей что-то про меня рассказывает.

— Ага, — довольно кивает он.

— Ну это уж... прямо неприлично.

— Я так понял, у них об этом совершенно прилично говорить. Правда, они выражаются по-другому, но вообще это вроде бы считается чем-то хорошим.

— Чего уж тут хорошего, мучение одно, — ворчит матушка.

О чем это они, господи?

— Ты зна-аешь, — задумчиво тянет Азамат, — конечно, если только один человек души лишается, то ему очень плохо. Но когда оба... это как-то... в общем, это здорово. И спокойно так — я, например, точно знаю, что Лиза меня не подведет и не будет мне нарочно пакостить. Вот подумай, много людей могут похвастаться такой уверенностью в супруге? Или вот, скажем, она всегда рада моему приходу. Ты не представляешь себе, какое это счастье.

Ах ты боже мой, романтическая любовь в восприятии муданжцев. Можно прямо записывать и вставлять в краеведческую хрестоматию.

— Представляю, — улыбается матушка. — Ты в детстве тоже всегда мне радовался.

На этом я решаю вторгнуться в семейную идиллию, а то еще накапают мне в еду.

— У нас говорят, что человек может быть счастлив, только если сохранил в себе частицу детства, — приторным голоском объявляю я вместо доброго утра. — Чем нас сегодня кормят?

Азамат нагибается и целует меня в макушку, отведя подальше руки, измазанные в тесте.

— Здравствуй, солнышко. Ты опять с утра путаешь слова.

— Ничего я не путаю, — говорю. — Нас же теперь двое!

Матушка оказывается весьма сообразительной, правда, в результате она роняет ложку.

— Ты тяжелая, что ли? — спрашивает она с оторопелым видом.

Я поднимаю ложку.

— Ага. А что, Азамат вам не сказал?

Азамат, помявшись, объясняется:

— Я подумал, раз уж ты духовнику говорить не хочешь, то прочим и подавно не стоит...

Беременные женщины обычно очень суеверны.

— Как у тебя вообще я и суеверность в одной фразе совместились? — вздыхаю я. — Ты хоть раз за мной что-то такое замечал?

Он виновато мотает головой.

— А вот и зря, — встречает матушка. — У вас, на Земле, может, люди хорошие, а у нас завистливые шибко, особенно женщины. Попортят тебе ребенка, не приведи боги. В силу знающих можно и не верить, но тут и попроще способы есть. Так что лучше уж до лишних ушей не допускать.

— Это другой разговор, — соглашаюсь я. В пакостность местных баб мне поверить раз плюнуть. — Но вам-то можно доверять, имигчи-хон!

Она вся расцветает от обращения. Вообще, она сегодня гораздо лучше выглядит. И надела что-то нарядное: цветные юбки в три слоя, белую рубашку с широкими рукавами. Правда, на время готовки эти рукава она подтянула за ленточки, продетые по кайме, и завязала на загривке. А сверху нацепила веселенький пластиковый фартучек, разрисованный гиппеаструмами.

— Так что же, — возобновляет она разговор, когда я подаю ей вымытую ложку, — ты действительно собралась рожать?

— А чего вы оба так удивляетесь? — никак не возьму в толк я. — То есть я, конечно, плохо понимаю, как вы при ваших порядках вообще размножаетесь...

Азамат хихикает, а матушка серьезно объясняет:

— Ну как же, ты ведь красивая. А красивые женщины до последнего с этим тянут, чтобы фигуру не портить. Да и вообще, охота тебе с младенцем возиться, когда ты в самом цвету? Мне страшно подумать, сколько Азамат выложил за это дело.

— Нисколько, — отрезаю я, прежде чем Азамат успеет на меня цыкнуть. — Он и не знал, я ему только вчера сказала.

Матушка повторно роняет ложку, но ловит ее в полете.

— Ну вы, земляне... — бормочет она, качая головой. — Это ж вы, значит, и моцог не проводили? И Старейшин не одаривали? Да что же это будет-то?

— Будет как на Земле, — пожимаю плечами. — У вас свои обряды, у нас свои. Буду пить «снадобья» и одаривать «великих целителей».

А что еще я могу ответить на такой укор?

— А-а, — успокаивается матушка. — Ну это тебе виднее. — Она задумывается

ненадолго, потом развивает свою мысль: — Рожать надо по своим правилам, а не по мужниным.

На том и договариваемся. Азамат слушает наш разговор, благоразумно помалкивая, чтобы не нарушить мою эквилибристику.

А расстегаи с устричным соусом — это вещь, и муж у меня самый лучший. Вообще, мужчина у плиты, да еще в фартучке, — это ужасно эротично. Во всяком случае, мне никакого другого афродизиака не надо.

После еды мы некоторое время расслабленно перевариваем. Азамат стаскивает с головы какой-то хайратник, — оказывается, мать с утра подарила. Красивый такой, красно-синий, очень ему идет. Вот только муж у меня со вчера непричесанный. За всеми вчерашними открытиями он даже не расплел косу, и теперь она напоминает водоросль — грозу купальщика. Я лениво встаю, откапываю в сумке свою щетку, потому что где Азаматова, я не знаю, а спрашивать лень, и принимаюсь приводить его в порядок.

— Ишь ты, — усмехается матушка, которая наблюдает за моими движениями, подперев щеки кулаками, — нежности какие. Ты его как кошка котенка вылизываешь.

— Еще бы, — говорю, — за таким богатством уход нужен. Красотища ведь невероятная. Это слово я на днях переняла от Унгуца и очень им горжусь.

Азамат смущается, а матушка как будто чем-то недовольна.

— Да уж, — протягивает она, — красиво-то красиво, да грустно.

— Почему? — удивляюсь я.

— Из-за отца, — неохотно бросает Азамат.

Я озадаченно моргаю.

— Какая связь между твоими волосами и этим нехорошим человеком?

Азамат поднимает на меня взгляд исподлобья.

— Ах да, тебе еще не говорили, наверное... Длинные волосы носит старший мужчина в семье.

Ну хоть теперь понятно примерно, почему Азамат своих волос стесняется. Но, ой, мамочки, так это что же, если вдруг папаша проявит остатки совести и они помирятся, он пострижется?! Да я этого старого козла голыми руками порву!!!

— Ай, — удивленно говорит Азамат. — Ты чего дергаешь?

— Прости, задумалась. А насчет волос... ты взгляни на это под таким углом: если бы они у тебя были короткими, я бы вряд ли вышла за тебя замуж.

Азамат запрокидывает голову, чтобы недоуменно воззриться на меня.

— Теперь ты поясни, пожалуйста, какая связь.

— Ну помнишь, когда я по милости твоего духовника обкушалась грибочков? И к тебе спать пришла?

— Ну.

— Ну вот, я как тогда на твои волосы налюбовалась под кайфом, так и... понеслось. В смысле, мне кажется, э-э, как бы это сказать по-муданжски? В общем, что моя душа именно тогда поменяла место жительства. И после этого я стала про себя тебя на «ты» называть, в моем-то языке есть разница.

— С ума сойти, — бормочет Азамат.

А я вдруг понимаю, что и тут Алтонгирел, зараза, угадал. Он же хотел мне глаза открыть на Азамата. И открыл ведь! Не дай бог, узнает...

Матушка только головой качает, ворча что-то о противоестественных землянах, которые

ходят друг к другу ночевать и выбирают супругов по волосам. Азамат снова откидывает голову, позволяя мне продолжить груминг, а потом говорит:

— А я потерял душу с самого начала, когда ты, едва поднявшись с пола и без оружия, так уверенно заявила, что не пойдешь куда велено, и тут же придумала, почему мы должны тебе это позволить. Я так растерялся, что близко к тебе не подходил потом — боялся потерять самообладание.

Коса заплетена, и мы начинаем прощаться. Пора возвращаться, а то потемну летать все-таки небольшое удовольствие, даже с инфракрасным экраном. Мы клятвенно заверяем матушку, что будем навещать и подвозить всякие южные вкусности. Она в свою очередь обещает держать телефон заряженным и подключенным к выносной антенне, которую мы ей оставили.

— А вы не хотите поближе перебраться? — спрашиваю. — Подыскали бы местечко поприятнее, построили бы там дом с удобствами...

— Нет, — легко отказывается она. — У меня тут подруги есть, рыбка ловится круглый год, а больше мне ничего и не надо особенно. Вот на счастливого ребенка посмотреть только.

Мы по очереди обнимаем ее на прощанье и улетаем из-под заснеженной горы вверх, в синеву, а потом прочь, на юг, над гигантскими деревьями, плоскими горами и широкими равнинными реками.

Когда мы подлетаем к Ахмадхоту, уже довольно темно, хотя мне кажется, что три дня назад в это же время было гораздо темнее. Весна все-таки. Ахмадхот, подсвеченный яркими окнами, напоминает паутинку в росе. Зависнув для посадки над садом, мы видим все окрестные дома. Вон заросшее хозяйство Ирчина, вон мой клуб, вон Дом Старейшин и толпа у него... Мы мягко опускаемся в траву.

У дверей нас поджидает — кто бы другой, а? — Алтонгирел, будь он неладен. А я так надеялась сегодня без него обойтись.

— Ну как лошади? — ядовитенько спрашивает он, как будто точно знает, что никаких лошадей мы не видели, а все это было предлогом для чего-то еще.

— Отличные лошади, — радостно заявляет Азамат. — Я себе взял серебряного. Как говорит Лиза, красотища невероятная.

Мы входим в дом, раздеваемся, и Азамат сразу разводит огонь в печке. Вообще, этот их саман хорошо держит тепло, тут градусов пятнадцать, но Азамат все никак не может привыкнуть к мысли, что я могу существовать при низких температурах.

— А еще, — продолжает муж радостно, — мы навестили мою мать. А я и не знал, что она от отца ушла. — Он поднимает взгляд от топки на Алтонгирела и поводит бровью.

Алтонгирел, по-моему, и сам этого не знал, но ему запахло признаваться.

— Я думаю, тебе было полезно узнать это от нее самой, — спокойно говорит он, глядя в сторону. Мне остается только головой качать. Алтонгирел решительно меняет тему: — Как драгоценной госпоже понравились пейзажи?

— Я была просто очарована, — в тон ему отвечаю я.

Азамат вдруг как будто что-то вспоминает и взбегает по лестнице на второй этаж, а возвращается со своим запыленным буком. Аккуратно протирает его тряпочкой на кухне, потом усаживается на диван и раскладывает бук на коленях.

— Иди-ка сюда, Лиза. Будем дом проектировать.

Я присаживаюсь рядом, по пути отмечая, как на секунду офигевает Алтонгирел.

— Начнем с размера, — предлагает Азамат, разминая пальцы. — Ты какой хочешь?

— А какой престижнее?

— Ну большой, конечно.

— Давай большой, — легко решаю я.

— Хорошо. — Азамат начинает вбивать параметры нового проекта. — Три этажа?

— Ага, — киваю. — И лифт. И балконы на все стороны. И, если можно, отопление такое, чтобы рычажок повернул — и тепло.

— Да легко, — улыбается Азамат, стуча по клавишам.

Минут через пятнадцать домик сверстан, а Алтонгирел чувствует себя обделенным нашим вниманием.

— Что ты с ней сделал? — спрашивает он у Азамата.

— Это не я, это мать. Никогда бы не подумал, что они так сплуются.

— Почему? — удивляюсь. — Она очень разумная женщина в отличие от этих дур из клуба.

— Обычно женщины настолько разного возраста не понимают друг друга, — объясняет он. Я никак не реагирую, и он обращается к духовнику: — А у вас тут что новенького?

— Да вот Старейшина Унгуц ногу сломал.

— А что ж ты молчишь-то, зараза?! — взвиваюсь я. — Где он?

— Да в Доме Старейшин. Его-то дом рухнул вчера ночью.

— Что?! — подскакивает Азамат. — Как рухнул?!

— Да так, — пожимает плечами духовник. — У него дом ведь древний совсем был. А старику ремонтировать тяжело. Вчера тут дождь был, вот крыша и просела. Удивительно, как зиму продержалась.

Я стремительно одеваюсь, подхватываю из прихожей чемодан-аптечку и запрыгиваю в машину.

Старейшина сломал не просто ногу, а чертову шейку проклятого бедра, язвы ее в душу. Лежит он в подсобной комнате, делает вид, что все в порядке. Парниша-духовник отчитывается, что дважды приносил еду.

— Что ж вы так неаккуратно, — причитаю я, наводя сканер на поврежденную кость. Перелом внекапсульный, надо штифт ставить, а потом нашему деду лежать и лежать, а тут и матрац нужен особый, и уход... — На три дня нельзя уехать! Больно?

— Ну так... — неопределенно отвечает он.

Еще ведь хорохориться будет! Ну н-на тебе обезболивающего.

— А где целитель? — спрашиваю у подошедшего духовника.

— Занят.

— Что значит занят, если тут у человека травма?!

— Не кричи, Лиза, — просит Унгуц. — Ему звонили, он там жену чью-то лечит от заразной хвори. А у меня незаразное, я и подождать могу.

Ну да, давайте погеройствуем. И ведь главное — больницы-то нет. Есть дом целителя с комнатой для больных. И все. Ну ладно же...

Я решительными ломающими жестами раскладываю носилки и выхожу на крыльцо, у которого тусуется толпа любопытных.

— Мне нужна пара красивых мужиков, — объявляю.

Нужны-то мне, конечно, сильные, но сильные они тут все, а вот на красивых

обязательно откликнутся. И правда, ко мне уже бегут пятеро. Выбираю двоих, что покрупнее, и с их помощью транспортирую дедулю в машину и располагаю поудобней. Дома уже Азамат с Алтонгирелом вносят его на верхний этаж во вторую спальню.

— Хоть бы мужа спросила, не возражает ли, — ворчит Алтонгирел.

— Что-то мне подсказывает, что не возражает.

Я вызваниваю Ориву, чтобы ассистировала, и в двух словах рассказываю Унгуцу, что я собираюсь с ним сделать и зачем.

— Хорошо, — покорно соглашается он. — Вот только дочка дочки моей... У нее же теперь крыши над головой нету. Азамат, уж ты придумай что-нибудь...

Мы переглядываемся.

— Тащи ее тоже сюда, — говорю. — Потом разберемся.

Он согласно кивает и растворяется в воздухе.

[Купить полную версию книги](#)